

Н. Д. Арутюнова

**ПРОБЛЕМЫ
МОРФОЛОГИИ
И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

На материале испанского языка

STUDIA PHILOLOGICA

Нина Арутюнова

**Проблемы морфологии
и словообразования**

«Языки Славянской Культуры»

2007

Арутюнова Н. Д.

Проблемы морфологии и словообразования / Н. Д. Арутюнова —
«Языки Славянской Культуры», 2007

Основная часть работы посвящена проблеме слова – его структуре, асимметрии его сторон – означаемого и означающего, а также его функционированию в дискурсе. Анализируются типы и способы образования новых слов (аффиксация, словосложение, сращение и субстантивация словосочетаний, несобственная и обратная деривация, лексикализация грамматических форм, конверсия) и морфологический состав готовых слов. Показываются принципиальные различия между морфологической и словообразовательной структурой слова и, соответственно, между методами морфологического и словообразовательного анализа.

Рассматривается соотношение морфологической структуры существительных и прилагательных, а также имен и глаголов. Исследование выполнено на материале испанского языка. Для сравнения привлекаются другие романские языки, а также существенно более продвинувшийся по пути к аналитизму английский язык. Особое внимание уделено сопоставлению морфологической структуры испанских имен и глаголов, обнаруживающих разную меру аналитизма, и системе времен в испанском языке.

© Арутюнова Н. Д., 2007

© Языки Славянской Культуры, 2007

Содержание

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	5
Глава I	7
1. Морфологическая и словообразовательная структура слова	7
2. Проблема нормы	13
3. Об основе слова	17
4. Остаточная выделяемость компонентов слов	19
5. Проблема продуктивности словообразовательных моделей	22
6. Лингвистический аспект продуктивности словообразовательных моделей	28
Литература	33
Сокращения источников	35
Глава II	36
I	37
II	38
III	39
IV	41
V	44
Литература	46
Сокращения источников	47
Глава III	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Н. Д. Арутюнова

Проблемы морфологии и словообразования: (На материале испанского языка)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Эта скромная книга, написанная в былые годы, посвящается моим учителям академику Владимиру Федоровичу Шишмареву и Дмитрию Евгеньевичу Михальчи – моим научным руководителям, Ольге Константиновне Васильевой—Шведе и Георгию Владимировичу Степанову, создавшим и возглавившим замечательную школу петербургских испанистов, а также прекрасному человеку и ученому – Елене Иосифовне Родригес—Данилевской, обучавшей меня испанскому языку, его истории и раскрывшей мне его индивидуальность на общем романском фоне

К концу XX в. лингвистика достигла зрелости. Она освоила, казалось бы, все возможные подходы к своему предмету – исторический и сравнительно—исторический, синхронный и сугубо формальный, семантический и семиологический, функциональный и типологический, ареальный и контрастивный, психологический и когнитивный, социальный и культурологический, структурный и прагматический, информационный и логический, статистический и компьютерный. Эти подходы и методы постоянно взаимодействуют между собой, переплетаются и смешиваются, они спорят и ссорятся, доказывают свои преимущества и права, стремятся завоевать главенствующие позиции. Лингвистическая терминология множится, термины становятся многозначными, утверждения заменяются формулами или математическими расчетами. В итоге языковеды перестают понимать друг друга.

Обилие лингвистических концепций и методов анализа определяется сложностью, многогранностью и полифункциональностью языка. Вследствие этого лингвистика постоянно входит в контакты с другими науками. Новые взгляды на язык часто проникают в лингвистику извне: из сферы точных наук и компьютерных технологий – с одной стороны, и из наук о человеке и его мире – с другой. В первом случае речь идет о заимствовании методов, во втором – скорее о заимствовании идей. Влияние точных наук и компьютерной техники ввело в лингвистический анализ математические, логические и другие виды формальных методик. В то же время оно имело своим следствием изоляцию лингвистики, ее выпадение из гуманитарного цикла. Оно отодвигало в тень национальную специфику языков. Влияние философии, психологии, этнографии, филологии и культурологии возвращало лингвистику в гуманитарный контекст. Более того, лингвистический анализ вошел в психологию и философию. В их рамках язык служил источником познания человека, системы его «верований» (по Х. Ортега—и—Гассету) или «предрассудков» (по Х. – Г. Гадамеру), проникновения в национальный дух народа. Была по—новому осознана и осмыслена эпистемическая метафункция языка. В истории науки эпистемический подход к языку предшествовал формально—лингвистическому. То, что говорит язык, казалось интереснее того, что говорит на языке человек. О каком же мире говорит язык?

Мир для современного человека двойственен. Он распадается на Универсум, или чуждый мир (ср. «оно» М. Бубера, «Autre» французских экзистенциалистов) и мир человеческого

существования, «наличного бытия» (ср. «Dasein» М. Хайдеггера). Первый бесконечен, безграничен, но в принципе исчислим. Второй ограничен, конечен, но неисчислим. Природа и Человек принимают в этих мирах разные обличия. Для Универсума характерны причинные отношения, для мира человека – телеологические. Универсум – царство закона, мир человека – случая. Законы для всех едины, представления о движущихся силах жизни национально специфичны. Естественный язык отражает мир человека. В нем соединено универсальное и национально специфическое. И то, и другое представлено в семантике слова и законах построения речи. Поэтому слово, его семантика, структура и способы создания новых слов заключают в себе немалый интерес как для лингвиста, так и для антрополога, как для общего языковеда, так и для специалиста по культуре того или иного народа – формам его жизни, менталитету, литературе, способам речевого взаимодействия.

В предлагаемой вниманию читателя работе проанализирован лишь небольшой фрагмент испанского словообразования. При этом основное внимание уделено наиболее национально маркированным и продуктивным моделям. Исследование выполнено на материале испанской классической и современной литературы, а также по данным словарей, начиная с шеститомного «Словаря Авторитетов», изданного испанской Академией в начале XVIII в. (Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. Madrid, 1725–1739). В книгу включены также небольшие очерки, посвященные сочетаемости и функционированию слов в речи, в частности в диалоге. Несмотря на обилие методов анализа, применяемых в современной лингвистике, о которых упоминалось выше, в работе использованы в основном традиционные методы в сочетании со структурным анализом классического типа (дистрибутивный метод, выделение минимальных значимых единиц, определение дифференциальных признаков и значимых оппозиций, позиционный синтаксис и др.). Однако в центре внимания автора всегда стояла задача выяснения регулярных отношений между единицами языка и построения фрагментов словообразовательной и грамматической системы. Добавим к сказанному, что в работе широко используется классическая литература по общему и романо—германскому языкознанию, к которой в настоящее время, благодаря обилию новых идей и методов, обращаются все реже.

Глава I

СИНХРОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И МОРФОЛОГИИ ОСНОВ СЛОВА^{1}

1. Морфологическая и словообразовательная структура слова

Теория синхронного изучения словообразования разработана в лингвистической литературе недостаточно. Дескриптивисты, рассматривающие принципы и методику составления описательных грамматик, большое внимание уделяют морфологии, в рамках которой находит свое место и анализ аффиксальных элементов. Изучение словообразовательных морфем оказывается при этом подчиненным общей цели дескриптивного анализа, а именно выделению значимых элементов речи, определению их дистрибуции, установлению тождества морфем и, наконец, их классификации.¹

Аффиксы рассматриваются лишь при описании строения слова, его морфемного состава.² Словообразующие элементы, как и другие морфемы, исследуются дескриптивистами по преимуществу с точки зрения их окружения (*environment*), а также воздействия на сочетаемость соседних морфем, в том числе производящей основы.³ Стремление дать исчерпывающее описание морфемного состава языка не позволяет отделить факты системы от диахронических «пережитков». Действующие словообразовательные типы растворяются в своде морфем, встречающихся в корпусе языка. Не способствует построению системы и метод деления слов на непосредственно составляющие (*immediate constituents*). Согласно указанному приему каждый самостоятельный отрезок речи (*utterance*) состоит из двух частей. Бинарными по своей структуре являются и сочетания, полученные в результате последовательного членения высказывания. Разложение заканчивается, когда выявленные единицы оказываются монолитными. Ср. *John ran away: John | ran away; ran | away; a | way*. При помощи этого приема, весьма полезного в других отношениях, не может быть проведена грань между типами, активно функционирующими в словообразовании, и моделями, выпавшими из строя языка, но представленными рядами ранее созданных слов.

Метод непосредственно составляющих не всегда способствует также определению структуры слов. Естественно, что деление свободных синтаксических сочетаний выявляет действующие в языке нормы соединения слов и обычно соответствует современным системным отношениям. Иначе обстоит дело, когда анализ переходит в сферу разложения слова (дескриптивисты не делают разницы между дроблением слова и предложением). Членение слова на морфемы не обязательно совпадает с существующими нормами словообразования. На этой стадии анализа синхрония перекрещивается с диахронией, словообразование – с морфологическим составом слов. Принцип непосредственно составляющих в той части, в какой он вводится в анализ слова, направлен, по мысли дескриптивистов, на выяснение того, как делаются слова, а не того, из чего они сделаны. Этот принцип положен также в основу классификации слов, предложенной дескриптивистами. Л. Блумфилд, например, специально оговаривает, что принцип непо-

¹ См. [Harris 1951: 20].

² Примером может послужить описание английского суффикса – *ous* в кн.: [Bloch, Trager 1942: 64 ff.]. Ср. описание суффиксов – *ic*, – *ics* в ст. [Newman 1948: 35 ff.]. См. также [Nida 1948a: 175].

³ [Harris 1946: 169].

средственно составляющих позволяет провести границу между сложными словами и словами, образованными на базе словосочетаний (*phrase—derivatives*), такими как *old—maidish*, а также производными от сложных слов (*de—compounds*), такими как *gentlemanly*.⁴ Эта классификация опирается, следовательно, на нормы словообразования. При членении многоморфемного слова дескриптивисты рекомендуют исходить из последовательности использованных приемов словообразования. Все сложные формы распадаются на морфемы. Это – конечные составляющие (*ultimate constituents*). При лингвистическом же анализе необходимо выделять непосредственно составляющие, и только таким путем можно прийти к получению простейших элементов слова,⁵ пишет Л. Блумфилд. «Наш дескриптивный метод состоит в анализе слов на основе образующих их конструкций. Описывая порядок „наслоения“ (*layers*) непосредственно составляющих, следует принимать во внимание основные модели (*patterns*) языка»,⁶ – замечает Ю. Найда, иллюстрируя это положение следующим примером. Казалось бы, безразлично, как разбить наречие *untruly*: *un + truly* или *untrue + ly*. Однако необходимо вспомнить, что *un—*регулярно сочетается с прилагательными и, напротив, редко непосредственно соединяется с наречиями. Следовательно, правильным будет такой порядок деления: 1) *untrue + ly*, 2) *un + true*. Итак, дескриптивисты исходят из действующих в языке типов словообразования. Однако этот принцип не может быть осуществлен ими последовательно, так как пределом дробления материала является морфема, то есть простейшая значимая единица. Последняя же не всегда может быть получена при проведении в жизнь принципа непосредственно составляющих. Как известно, далеко не все морфемы, встречающиеся в языке в контактном положении, могут вступать между собой в непосредственное соединение. Два элемента семантического целого, будучи *ultimate constituents*, могут не быть в то же время *immediate constituents*. Так, разложение испанских глаголов *independerse*, *indisponer*, *incumplir* привело бы к мысли, что префикс – *in—* непосредственно участвует в образовании глаголов. В действительности указанные глаголы возникли путем регрессивного словообразования от прилагательных или причастий *independiente*, *indispuesto*, *incumplido*. Деление на морфемы таких слов, как *desorden*, *desafición*, *desamor*, *desuso*, *destrizo*, могло бы установить модель «*des— + существительное*», которая практически в испанском языке не функционирует. Слова этого типа большей частью возникают путем обратной деривации от приставочных глаголов *desordenar*, *desaficionar*, *desamar*, *desusar*, *destrizar*.⁷ Здесь наблюдается любопытная особенность испанской отрицательной префиксации, заключающаяся в том, что префиксальное производное не является исходным пунктом образования нового ряда слов, а префикс как бы распространяется на все лексическое гнездо, созданное от бесприставочного слова. Ср. *honra*, *honrar*, *honor*, *honorar*, *honoroso*, *honorable*, *honradez*, *honroso*, *honrado*, *honrador* и *deshonra*, *deshonrar*, *deshonor*, *deshonrar*, *deshonroso*, *deshonroso*, *deshonrado*, *deshonrador*, *deshonradez*, *deshonorable*; *capaz*, *capacidad*, *capacitar* и *incapaz*, *incapacidad*, *incapacitar*. При этом префиксация нередко развивается в направлении, диаметрально противоположном суффиксации или несобственной деривации. Ср. *orden* > *ordenar*, но *desordenar* > *desorden*; *afición* > *aficionar*, но *desaficionar* > *desafición*. Деление приставочных производных на морфемы не вскрывает в данном случае реально существующие в языке структуры, возникающие в результате своего рода «гнездовой» деривации.

Следовательно, положенные в основу дескриптивного анализа принципы простейших составляющих и непосредственно составляющих несовместимы при анализе основ слова. Первый из них лежит в плане изучения морфемного состава слов, второй направлен на выявление существующих в языке словообразовательных конструкций.

⁴ [Bloomfield 1933: 209–210, 227]. См. также [Bloch, Trager 1942: 67–68].

⁵ [Bloomfield 1933: 161].

⁶ [Nida 1946: 81–82]; ср. [Nida 1948a: 170–171]. См. также [Bloch, Trager 1942: 67].

⁷ Об обратной деривации см. в главе V.

Более прямолинейно смешивается понятие структуры слова и словообразования в работе С. Мёрфи об именных суффиксах в разговорном испанском языке Мексики.⁸ С. Мёрфи предупреждает, что его исследование является «первым опытом в сравнительно неразработанной области дескриптивного словообразования».⁹ Однако в нем нет анализа действующих словообразовательных моделей, их значения и функционирования. Все слова выстроены в пары, состоящие из так называемого «соотносимого слова» (related word) и суффиксального производного. Вот несколько примеров: *libertar – libertad*, *temporada – temporal*, *cor – corazón*, *carar – carapón*, *inquisición – inquisidor*, *vista – visión*, *bendito – bendición*. Автор стремится найти слово, максимально совпадающее с производным по своей звуковой форме; Поэтому, например, *libertar* 'освободить' ставится рядом с *libertad* 'свобода' (с. 10). Между тем последнее по своей словообразовательной и смысловой структуре является именем качества и связывается языковым сознанием с прилагательным *libre* 'свободный'. Эта пара стоит в одном ряду с такой серией, как *bueno – bondad*, *feliz – felicidad*, *humano – humanidad*, *bárbaro – barbaridad* и пр.

Занимаясь синхронным описанием словообразования, С. Мёрфи приводит наряду с продуктивными парами и такие, которые не имеют отношения к системе современного языка. Так он выделяет суффиксы имен – *t- l- s-*, обнаруженные им в таких существительных, как *muerte*, *vista*, *vuelta*, *puesta*, *producto*, *risa*, *aplauzo*, *compromiso*, *presa* и др. (с. 26–27). Очевидно, что элементы, попавшие в испанский язык в составе латинского причастия и супина, не функционируют в нем самостоятельно.

Итак, исследование, задуманное как анализ современного словообразования, обернулось исчерпывающим описанием морфологической структуры суффиксальных имен.

Спорной стороной работы С. Мёрфи является также предложенное им решение вопроса тождества суффиксов. Автор объединяет элементы исключительно по признаку их фонетического сходства. При этом С. Мёрфи учитывает лишь совпадение согласных. Варианты гласного не меняют, по его мнению, структуры испанского суффикса (см. с. 5). Это позволяет С. Мёрфи выделить, например, суффикс *Vr* (т. е. любая гласная + *r*) и приписать ему значения лица (*inventor*), абстрактного имени (*amor*, *dolor*), инструмента (*elevador*), собирательности (*costillar*) и места (*palomar*) (с. 16). Суффикс *Vn* (т. е. гласная + *n*) оказывается еще более семантически ёмким и фонетически разнообразным. Он может указывать на лицо (*sacristán*, *bailarín*), уменьшительность (*requieñín*), увеличительность (*azadón*), выражать действие или результат действия (*borrón*, *tirón*), обозначать человека (*mandón*, *pelón*) и животное (*sabrón*, *carón*) (см. с. 14).

Намеченная Мёрфи трактовка языкового тождества заметно отличается от взглядов дескриптивистов.¹⁰ Последние заменили фонетический принцип отождествления функциональным. Идентичными признаются все морфемы, обладающие единой функцией и находящиеся между собой в дополнительной дистрибуции, при условии если сумма их окружений не превышает суммы окружений одной морфемы, выполняющей аналогичную роль. Иными словами, сумма окружений показателей множественного числа в английском языке – *en* и – *s* не должна быть больше, чем окружение нулевой морфемы, выражающей единственное число. Правда, у некоторых структуралистов можно встретить еще более свободное отношение к проблеме идентификации аффиксов. Так, К. Тоггебу рассматривает все суффиксы, присоединяющиеся во французском языке к топонимам (*-ais*, *-an*, *-at*, *-eac*, *-eron*, *-esque*, *-estre*, *-ien*, *-in*, *-ique*, *-ite*, *-ois*), как варианты одной морфемы, функция которой состоит в создании прилагательных от этнических названий.¹¹

⁸ [Murphy 1950]; см. [Murphy 1954].

⁹ [Murphy 1954: 3]. (Далее в тексте указываются страницы этой работы); см. рец. на статьи Марчанда [Арутюнова 1959].

¹⁰ См., например, [Harris 1942; Voegelin 1947; Hockett 1947; Nida 1948b; Глисон 1959: 107–122 (гл. 6 «Установление тождества морфем»)].

¹¹ [Togebuy 1951: 236].

В теоретических работах американских структуралистов можно встретить попытки отделить статическое описание структуры высказывания от построения системы, управляющей современным языком.

Так, Ф. Хаусхолдер считает целесообразным разделить морфологию, или морфемику на два самостоятельных раздела: 1) собственно морфологию, в которой должны описываться только продуктивные образования и их альтернанты (как активные, так и неактивные); 2) дескриптивную этимологию, трактующую непродуктивные, окаменелые структуры.¹²

Д. Болинджер предлагает отличать морфемы, являющиеся единицами синхронного анализа (он называет их *формативами*), от элементов, относящихся к диахронной морфологии (они обозначаются термином *компоненты*). Формативы, по мысли Д. Болинджера, вступают в активную связь (*bondage*) с другими элементами речи, а компоненты могут образовывать с ними только инертное сцепление.¹³

Своего рода реакцией на узкодескриптивный подход к фактам словообразования является статья Х. Марчанда.¹⁴

Весьма существенным в работах Х. Марчанда является положение о различии между синхронным изучением морфологического состава слова и словообразованием. Дескриптивный анализ слов состоит в собирании пар, дающих потенциальные типы словообразования. Но он не может привести к построению системы деривации, т. е. выделению грамматически релевантных типов, считает Х. Марчанд.¹⁵ При изучении словообразования анализ морфологии основы имеет ценность лишь в той степени, в какой он обнаруживает существенные черты модели, т. е. свойства, характеризующие *la langue*.¹⁶ Следовательно, одной из главных задач при исследовании современного словообразования является выделение системных признаков модели и вариантов модели. Х. Марчанд полагает, что таким признаком является прежде всего наличие определенного звукового соотношения, соответствующего фонетическим закономерностям современного языка. Ср. во французском языке чередование *oeuvr*: *ouvrage*, ставшее стерильным, так как оно возникло в результате действия давно замершего звукового закона.¹⁷ Однако наличие фонетического соотношения само по себе еще не свидетельствует о релевантности модели. Звуковая корреляция должна быть поддержана смысловым различием. В свою очередь одного лишь семантического соотношения не достаточно для установления словообразовательной связи. Поэтому метод Ш. Балли, включавшего в деривативную транспозицию такие пары, как *cheval*: *équestre*, неприменим при выделении релевантных пар.

Регулярные фонетические чередования, соответствующие закономерным семантическим изменениям, относятся к морфонологии, в рамках которой одно из важных мест должно быть отведено словообразованию.¹⁸

Итак, критерием релевантности в области словообразования является наличие морфонологического изменения.

Но даже если мы инвентаризируем все деривативные чередования, рассуждает далее Х. Марчанд, они не образуют целостного организма, оставаясь лишь простой суммой разрозненных элементов. Дело в том, что в современных развитых языках действующее словообразование складывается обычно из двух разных систем, между которыми распределяются все продуктивные модели. Одна из этих систем соответствует ингерентной структуре данного языка, другая функционирует на уже отчужденной, обычно неолатинской, основе. Чередования в пре-

¹² [Householder 1952: 266].

¹³ [Bolinger 1948].

¹⁴ [Marchand 1951a,b; 1953; 1954a,b; 1955a,b; 1956; 1957a,b].

¹⁵ [Marchand 1953: 106].

¹⁶ [Marchand 1955b: 17].

¹⁷ [Marchand 1951a: 97].

¹⁸ [Marchand 1951b: 89, 95].

делах первой системы обязаны действию современных фонетических закономерностей. Корреляции, входящие во вторую систему, возникли в результате адаптации латинизмов к звуковому составу того или другого языка (ср. англ. candidate: candidacy, фр. agressif: aggression).¹⁹ При изучении современного словообразования не следует устанавливать зависимость между словами, созданными на разных базах деривации. Так, нельзя сопоставлять латинские заимствования с собственно французскими словами. Ср. refaire: refection, restreindre: restriction. Подобные соотношения не систематичны. Однако бывают случаи, когда связь между исконными словами (palabras patrimoniales) и латинскими заимствованиями становится регулярной. Ср. pere: paternel, mere: maternel, frere: fraternel.²⁰ Иногда слово, созданное на латинской структурной основе, может при синхронном изучении языка рассматриваться как французское производное. Например, фр. operation исторически является латинизмом, но синхронно оно противопоставляется глаголу opérer.²¹

Таковы в общих чертах взгляды Х. Марчанда по вопросам синхронного словообразования. Они интересны тем, что Х. Марчанд правильно нащупывает основные проблемы, возникающие в связи с изучаемой темой. К числу этих проблем относятся следующие: идентификация единиц языка, понятие синхронной системы словообразования и ее элементов, релевантные черты модели, отношение словообразования к морфологии основ слова.

Другую попытку разграничения языковой данности и языковой системы находим в книге Косерю «Система, норма и речь».²² Хотя Э. Косерю ставит проблему синхронии в широком плане применительно ко всем аспектам языка, остановимся на его работе особо, так как в ней рассматриваются и вопросы словообразования.

Э. Косерю предлагает отказаться от соссорианских понятий *языка* и *речи*, заменив их понятиями *нормы* и *системы*. В конкретном языковом продукте или материале (el hablar), выделяется прежде всего система норм, которые обеспечивают функционирование языка как средства общения. Система норм, по мысли Э. Косерю, создается в результате первой ступени абстрагирования. Дальнейшее абстрагирование, в процессе которого отделяются элементы, закрепленные в языке лишь обычаем, ведет к построению системы языка, т. е. совокупности сигнификативных оппозиций. Система скорее консультативна, чем императивна. Действительно же обязательной является норма. Она отбирает и фиксирует те языковые варианты, которые позволены системой. Система в языке одна, норм может быть много.²³

Касаясь различий между нормой и системой в области словообразования, Э. Косерю пишет, что в системе испанского языка потенциально существуют все имена действия с суффиксами – miento и – ción, глаголы на – izar и имена качества на – idad. Однако многие из этих слов не освещены нормой. Система языка – это совокупность закрытых и открытых путей, продолжаемых и прерванных координат (El sistema es un conjunto de vías cerradas y vías abiertas, de coordinadas prolongables y no prolongables),²⁴ пишет Э. Косерю. Может быть увеличено число глаголов на – ear, – izar, – eser, но пресеклись вербальные ряды на – er, – ir. Не возрастает количество производных имен с суффиксом – iego. От la carta 'письмо' не образуется увеличительное с суффиксом —ón, так как в языке уже существует слово el cartón 'картон'. От фонологического термина pertinente 'релевантный' нельзя произвести антоним impertinente, так как за этим звуковым комплексом закрепилось уже другое значение, 'неподходящий, дерзкий'. Правильно образованные испанские слова возникают как в Испании, так и в Латинской Аме-

¹⁹ Регулярное отношение, возникшее в языке между сепаратно заимствованными словами, Х. Марчанд называет коррелятивной деривацией (ср. английские производные на – ist, – y, – ism, – istic). См. [Marchand 1954a: 254, 258].

²⁰ [Marchand 1951a: 96–98].

²¹ [Marchand 1951b: 94].

²² [Coseriu 1952]; см. также [Косерю 1963].

²³ [Coseriu 1952: 46, 58].

²⁴ [Ibid.: 46].

рике, поскольку и там и тут действует одна система, но реально в разных странах создаются разные лексические единицы. Так, существительное *el sacaclavos* 'гвоздодер' вполне закономерно с точки зрения системы. Ср. *sacarpuntas, sacatrapos, sacamuelas*. Однако это образование является американизмом потому, что в Испании соответствующее значение закрепилось за словом *el desclavador*. Для образования форм женского рода от существительных на –*to* система предоставляет две возможности: –*to* и –*triz*. Норма отбирает один из этих вариантов. Язык предпочитает *actriz* для обозначения актрисы и *directora* применительно к женщине—директору, сохранив *actora* 'истлица' для юридической терминологии, а форму *directriz* 'директриса' для геометрической. Норма, следовательно, может превратить два взаимозаменяемых суффикса в дистриктивные единицы.

С точки зрения нормы допустима оппозиция *maestro: maestra* 'учитель: учительница', но невозможно *ministro: ministra* 'министр: министрша (женщина—министр)'. Санкционируя *estudiante* 'студентка' и *presidenta* 'председательница', норма воспрещает *amanta* 'возлюбленная' и *navegante* 'мореплательница'. Иначе говоря, норма лишь частично реализует систему. Сейчас, как известно, норма образования форм жен. рода для имен лица расширилась, хотя и не для всех их значений.

Считая целесообразным и полезным различие нормы и системы, полагаем, однако, что неверно понимать систему как совокупность открытых и закрытых путей. Система может включать только продуктивные конструкции, образующие открытые ряды.²⁵

Система словообразования складывается из двучленных парных моделей, которые могут воспроизводиться по аналогии. Например, при наличии пар *casa: casita, libro: librito* можно создать *cuaderno: cuadercito, tarjeta: tarjetita* и пр. Система словообразования определяет рост лексического состава языка, но и сама находится в прямой зависимости от сдвигов, происходящих в словаре. Перерождение значений слов, иноязычные заимствования, совпадение основ разных частей речи и прочие частные изменения, происходящие в лексическом запасе, отражаются на состоянии языка, вводя в него новые структурно—семантические оппозиции. Эти последние могут включаться в систему словообразования. Система словообразования и лексика языка взаимообуславливают друг друга. Это препятствует выделению функциональных оппозиций, составляющих систему словообразования, из того множества лексически связанных пар слов, которые встречаются в языке.

Применение антиномии «норма – система» способствует преодолению этих трудностей.

Отделение нормативных фактов помогает четче определить и яснее представить себе границы системы словообразования, очистить это понятие от «инородных тел», а также уточнить структурную функцию моделей, освободив ее от «груза» многочисленных лексических значений конкретных слов.

²⁵ Также неправ Э. Косерю, рассматривая отсутствие увеличительного от *la carta* и фонологического термина *impertinente* в одном плане с отсутствием новых слов на –*iego*. В первом случае путь прегражден уже существующими производными. Во втором – имеет место выпадение из системы языка всей словообразовательной модели. В первом случае путь закрыт для отдельного новообразования, во втором – для всего структурного ряда. В первом случае язык избегает омонимического совпадения, во втором – всю словесную структуру. При синхронном изучении словообразования нельзя не учитывать причин, ведущих к замораживанию деривативных возможностей языка. См. подробно о роде в испанском языке в [RAE. Esbozo 1973: 171–179].

2. Проблема нормы

Теперь остановимся на понятии нормы применительно к словообразованию и отчасти лексике языка.

Словообразовательная конструкция включает в себе лишь обобщенную семантику создаваемого слова. Так, испанские производные имена с суффиксом – *dor* указывают на исполнителя действия (предмет или лицо), обозначенного глагольной основой. Этим исчерпывается системная функция модели. Все те конкретные лексические значения, которыми обладают производные с суффиксом – *dor*, носят нормативный характер. Так, значение 'эксикатор' (хим.) закреплено за словом *desecador* нормативным путем, поскольку по своей структуре это слово могло бы относиться к любому 'сушите—лю'. Слово *elector* применяется лишь к избирателям (на выборах), хотя могло бы означать любого выборщика (например, выборщика цитат для толковых словарей). Это значение, следовательно, также нормативно. *Elevador* употребляется лишь в значении 'элеватор' (т. е. грузоподъемная машина). Это значение гораздо уже тех семантических возможностей, которые даны слову его структурой. Существительное *el mostrador* (от глагола *mostrar* 'показывать') может означать любой 'указатель'. Это общее значение совпадает по своему объему с системной функцией отглагольных имен деятеля на – *dor*. Кроме того, это название закрепилось за рядом конкретных предметов, таких как прилавок, стойка, циферблат, гномон (указатель высоты солнца). Эти значения ограниченной системного значения модели. Они носят нормативный, фиксированный характер.

El guión, созданное от глагола *guiar* 'вести, руководить', является по своей словообразовательной структуре *poimen agentis* и *instrumen—ti*. Это слово, следовательно, может обозначать все 'то, что ведет' или 'того, кто ведет'. На самом деле *el guión* лишено общего значения 'водителя', но имеет большое количество частных значений, каждое из которых соответствует агентивной (в широком смысле этого термина) функции модели. Ср. 'штандарт, хоругвь, флаг, справочник, сценарий, предварительный план, вожак (стаи) и др.

Общая функция модели реализовалась в языке в виде множества конкретно—предметных значений. Последние без труда подводятся под семантический тип «действующего» (агенса). Это дробление общего значения связано с действием языковой нормы.

Разумеется, при анализе предметной отнесенности слова следует различать (хотя иногда это нелегко сделать) перенос слова как целой (неделимой) единицы от нового воспроизведения словообразовательной конструкции для обозначения другого предмета. И тут и там закрепление значения производится языковой нормой, но в первом случае эта фиксация носит чисто лексический характер, во втором случае новая предметная отнесенность слова вытекает из функционирования системы словообразования.

Вся доза идиоматичности, содержащаяся в слове, определяется нормой и должна сбрасываться со счетов при построении строгой системы словообразования. Норма дополняет, конкретизирует модель при ее реализации, компенсирует недостающие в ней смысловые элементы, отсутствующую семантическую расчлененность.

Следует обратить внимание на то, что по некоторым словообразовательным конструкциям создаются слова, значения которых столь же общи и нерасчленимы как системное значение самой модели. Так, если существительные с суффиксом – *dor* часто обладают более конкретными значениями, чем это вытекает из их словообразовательной структуры, то прилагательные с этим суффиксом менее идиоматичны, выражая лишь то значение, которое предопределено самой моделью. Ср. *bramador* 'ревуший', *registrador* 'регистрационный', *aterrorador* 'устрашающий', *moralizador* 'морализирующий' и пр. То же относится и к прилагательным с суффиксом – *able* | – *ible*. Ср. *realizable* 'осуществимый', *interminable* 'нескончаемый', *tolerable*

'терпимый', irreparable 'непоправимый', insaciable 'неутолимый', incansable 'неутомимый' и пр. Признаковое значение не склонно распадаться, а предметное почти всегда членимо.

Разрыв между системным значением словообразовательной модели и лексическим значением образуемых по данной модели слов не для всех моделей одинаков. В одних случаях он сведен к минимуму или практически отсутствует. В других случаях, особенно в области образования существительных, имеющих предметное значение, он очень велик.

Нередко благодаря нормативному характеру значения слова оказывается возможным сосуществование в языке ряда образований, созданных по синонимическим моделям. Ср. el embocamiento 'вход (судна) в канал, пролив' и la embocadura 'устье, мундштук (музыкальных инструментов)'. За каждым из этих слов закрепляется одно из более конкретных значений в рамках системной функции данных синонимических конструкций. Так, краснодеревщик называется по—испански ebanista (а не ebanero). Напротив, медник обозначается словом calderero (а не calderista).

Присутствие в языке производного по одной лишь из синонимических моделей обусловлено действием нормативного фактора.

Нередко в словообразовании участвуют производящие основы полисемичных слов. Каждое значение этих слов кладет начало новому ответвлению, новому ряду производных.

Так, despido 'увольнение' образовано от despedir в значении 'увольнять', а despedida 'прощание' произведено от despedirse 'прощаться'. Связь despedir – despido и despedirse – despedida закреплена нормой.

Descargador 'грузчик' соотносится с descargar 'разгружать' и не связано с другими значениями этого глагола (например, 'стрелять, разряжать, освобождать от обязанностей' и пр.). Contar имеет два значения: 'рассказывать' и 'считать'. Каждое из этих значений образует особое имя действия: el cuento 'рассказ, сказка', la cuenta 'счет'. Enarbolar 'поднимать флаг' соотносится с существительным el árbol 'дерево, махта', хотя это значение является для слова árbol 'дерево' лишь побочным, периферийным. Ensillar 'седлать' создано от существительного la silla в значении 'седло' и никак не взаимодействует с семантическим стержнем этого слова ('стул').

Значение производных соотносится с одним из значений производящей основы в соответствии с системой словообразования, но сама связь именно с данным, а не каким—либо другим значением закрепляется языковой нормой.

В испанском языке нередко наблюдается совпадение производящих основ разных имен.²⁶ Это вызывается тем, что некоторые существительные различаются лишь своим конечным гласным. Последний же остается за пределами производящей формы слова. Ср. el manto 'накидка, плащ', la manta 'одеяло, шаль', el barco 'судно, корабль', la barca 'лодка', la madera 'древесина', el madero 'бревно', la sora 'бокал, кубок', el soro 'пряжа, кудель' и пр. Соотношение вторичных образований с производящей основой устанавливается в этом случае путем нормативной фиксации. Так, el barquero 'лодочник' и barquear 'перевозить на лодке' лексически соотнесены с la barca, а embarcar (se) 'погружать(ся) на корабль' образовано от el barco. Desplazar 'перемещать, вытеснять' создано от la plaza 'место, площадь', а aplazar 'откладывать, отсрочивать' образовано от el plazo 'срок'. Enmaderar 'обшивать древесиной' произведено от основы существительного la madera 'древесина' и несопоставимо с el madero 'бревно'. Rayar 'граничить, чертить', rayado и rayoso 'полосатый' образованы от la raya 'черта, граница, полоса', хотя по структуре их можно было бы понять и как произведенные от el rayo 'луч, молния'.

Часто устанавливаются весьма причудливые и никак не мотивированные системой языка связи между разными значениями производящей основы и вторичными образованиями. Так, производные от основы banc– соотносимы с самыми различными значениями существительных el banco 'скамья, банк, мель, стая (рыб) и пр. и la banca 'скамья, стол, прилавок, банк (карт.)

²⁶ Это совпадение, как покажут приводимые ниже примеры, может быть как омонимическим, так и неомонимическим.

и др. Например, глагол *embancar* 'садиться на мель' образован от существительного *el banco* в значении 'мель'. Глагол *desbancar* 'очищать место от скамеек соотносится с соответствующими значениями существительных *el banco* и *la banca*. Одноструктурный (омонимичный) глагол *desban-car* 'сорвать банк' возник от *la banca* 'банк (карт.)'. Следовательно, *embancar – desbancar* не образуют соотносительной пары приставочных глаголов, обычной для системы испанского словообразования (ср. *emplumar – desplumar*, *empolvar – despolvar* и пр.). Эта возможная пара разорвана языковой нормой. *El banquero* 'банкир' произведено от *el banca* 'банк'. Такого же происхождения прилагательное *bancario* 'банковский, банковский'. *El banquete* 'банкет' уже возводится к *la banca*. Сложное существительное *la bancarrota* 'банкротство' (калька с итальянского) содержит в качестве своего стержневого компонента форму *la banca*, но по значению сопоставимо с существительным мужского рода *el banco* 'банк'. Вся эта сложная словообразовательная зависимость производных слов от производящих основ, превращенная в статические связи между готовыми словами, не может быть выведена из системы деривации. Эти соотношения закреплены в значениях слов чисто нормативно.

Очень запутанные семантические и деривативные взаимодействия складываются среди слов, содержащих производящую основу *tall-*. Эту основу мы находим в таких первичных существительных, как *talla* 'рост, скульптура, фигура', *talto* 'стебель, побег', *talle* 'стан, талия, покрывало'. Анализируя значения производных слов, обнаруживаем, что *tallecer* и *entallecer* 'прорастать, давать побеги', *talludo* 'с длинным стеблем' созданы от *el tallo*. *Tallista* 'скульптор, резчик' произведено от *la talla* 'скульптура', того же происхождения глаголы *entallar* и *tallar* 'гранить, обтесывать'. Глагол *entallar* 'быть в талию, хорошо сидеть' образован от *el talle*. Соответственно и *el entallado* 'насечка' и *entallado* 'сшитый по талии' – произведены от основ разных слов.

Весь этот клубок отношений нельзя было бы распутать, руководствуясь лишь системой словообразования, не зная, как протягиваются нити, соединяющие производное слово с производящим. Разумеется, все вторичные слова были созданы в соответствии с законами словообразования. Однако особенности испанской лексики не всегда позволяют, чтобы эти системные закономерности превратились в четко различимые линии, определяющие семантические отношения между готовыми словами. Этому мешают такие факторы, как многозначность производящей основы, совпадение основ разных слов и пр. Лишь языковая норма снимает ту структурную и семантическую расплывчатость, которая возникает в связи с указанными явлениями. Норма устанавливает, с каким первичным словом следует соотносить производное. Она группирует слова в лексические гнезда, устанавливает сетку отношений между готовыми лексическими единицами. Норма в данном случае не столько компенсирует недостающую конкретность системы словообразования, сколько вносит необходимую ясность в семантические отношения между единицами лексического запаса языка в его синхронном состоянии.

Если полисемична не производящая основа, а сама конструкция, то действие нормы, фиксирующей лишь одно из возможных значений слова, связано уже непосредственно с особенностями системы словообразования. Например, суффикс *—ón*, присоединяясь к основе глагола, создает либо имена деятеля (*tragón* 'обжора', *empollón* 'зубрила'), либо имена действия (*empujón* 'толчок', *tirón* 'дерганье'). Эти весьма разные значения не совмещаются в рамках одного слова. Однако сама структура производного имени не может подсказать, каким из двух возможных значений оно обладает. Действие нормы, закрепляющее за словом одно из значений, вызвано многозначностью деривативной модели.

Аналогичное явление наблюдается при функциональной неопределенности модели словообразования. Например, глаголы, образованные по типу *gojo – enjojecer*, могут иметь любое залоговое значение. Последнее не уточнено структурой модели. Эти глаголы могут быть медиальны (ср. *enjojecer* 'краснеть', *envejecer* 'стареть'), каузативны (ср. *enmollecer* 'смягчать', *enpegrecer* 'красить в черный цвет, омрачать') либо совмещать в себе оба значения (ср.

enriquecer 'обогащать, разбогатеть', enmudecer 'заставлять замолчать, онеметь, замолкнуть'). Словообразовательная структура этих слов одинакова, но их смысловый профиль различен. Распределение этих значений происходит нормативным путем и не вытекает из функции словообразовательной модели.

Действие нормы и в этом случае связано с особенностями системы словообразования.

Приведем еще один пример, показывающий, что нормативный фактор восполняет структурную недифференцированность словообразовательных моделей. В испанском языке существуют соотносимые пары возвратных и невозвратных глаголов. Структура производных имен действия для всех них одинакова. По значению же *nomina actionis* нередко связаны лишь с одним членом производящей пары. Так, *sentada* 'сидение' образовано от *sentarse* 'сидеться', *levantamiento* 'восстание' от *levantarse* 'восставать', *desengaño* 'разочарование' от *desengañarse* 'разочаровываться', *espanto* 'испуг' от *espantarse* 'испугаться'. Такого рода односторонняя связь не выражена структурой производного имени и закреплена в языке чисто нормативно.

Наконец, действие нормы увеличивает разрыв между структурой существующих в языке слов и системой активных моделей. Например, современная деривация не предусматривает создания имен с суффиксами – *engo*, – (*a*)*ndera*, но нормативный (не мотивированный системой) характер лексики позволяет употреблять существительные и прилагательные, созданные ранее при помощи этих элементов (ср. *frailengo*, *abolengo*, *lavandera*). Выше была дана беглая характеристика той роли, которую выполняет в словообразовании и отчасти в лексике языка нормативный фактор. Упор при этом был сделан не столько на то, что норма сохраняет в языке устаревшие словообразовательные конструкции – это скорее область лексики, чем деривации, сколько на роль нормы в самой реализации системы словообразования, в ее конкретно—языковом преломлении.

В заключение этого раздела подчеркнем, что нормативный фактор действует активно при необходимости закрепить за словом область его референции. Вместе с тем в живом испанском дискурсе выбор дериватов бывает достаточно вольным. Говорящие относятся к словообразованию, особенно композиции, творчески. Норма ставит предел своеволию говорящих, в сознании которых присутствует система деривации. Она избыточна и тем самым открывает перед своими потребителями – корреспондентами газет и писателями – широкие творческие возможности, приближаясь по своей «несдержанности» к синтаксическим структурам, о чем будет сказано в главе VIII.

Так «политические» суффиксы не знают ограничений в употреблении. Вот несколько примеров из газеты *El País* (18.10.04): *juancarlismo*, *felipismo*, *digitalismo*, *mañanismo* (склонность откладывать дела на завтра), *emiliarse* 'переписываться по электронной почте (e—mail), а также с адресатом по имени Emilio'. Вот пример свободы создания образов: *Desde niño a Pedrito Tinoco le habian dicho alunado y como siempre andaba con la boca abierta – comemoscas* (Vargas Llosa M.). Свобода словотворчества обернулась в испанском языке (особенно Латинской Америки) обилием прозвищ (см. примеры в гл. VI–VIII).

3. Об основе слова

Одним из принципов, на которые должно опираться описание синхронной системы словообразования, является учет различия между словообразовательной и морфологической структурой основ слова.

Словообразование устанавливает системные отношения, регулирующие создание новых лексических единиц. Морфология занимается структурой имеющихся в языке слов. В словах откладываются и сохраняют свою значимость лексические элементы разных исторических эпох. Они еще не утрачивают семантического веса внутри слова, которое остается мотивированным в своем значении. Не все слова, морфологически членимые, соответствуют живым нормам словообразования, не все слова, сложные по своему составу, могут служить образцом, по аналогии с которым моделируются новые слова. В языке продолжают существовать элементы, утратившие словообразовательную силу, выпавшие из системы деривации, либо еще не получившие определенной функции, не вошедшие в строй языка, но уже осмысленные языковым сознанием. В языке живут также компоненты слов, проникшие в него в результате заимствований, и, что особенно важно для языков романской группы, в составе латинизмов.

Итак, многие элементы, сохраняющие свою значимость с точки зрения морфологии слова, не входят в то же время в систему словообразования. Не входят в систему языка всякого рода случайные, нерегулярные образования, содержащие живой аффикс, но структура которых отклоняется от нормального типа деривации. Так, испанский суффикс – able | – ible выделим в словах *amigable*, *saludable*, *bonancible*. Однако эти прилагательные, возникшие от именных основ, не служат моделью словообразования в современном языке. Не являются продуктивными также прилагательные типа *espantable*, *agradable*, *durable*, *dañable*, в которых суффикс выражает активное, а не пассивное отношение к действию. Не принадлежат к системе языка и такие модели, как *feriante*, *galante*, *cabildante*, *comediante*, содержащие основы существительных, а не глаголов, хотя и в этих словах сама выделяемость суффикса не подлежит сомнению. Следовательно, в синхронное описание структуры *слов* включаются и соотносительные пары, представляющие как бы потенциальные типы словообразования. Напротив, синхронное изучение *словообразования* оперирует лишь реально действующими моделями. Синхронное словообразование изучает типы, по которым моделируются новые слова. Морфология основ изучает реальный состав входящих в язык слов.

К числу пассивных морфем могут относиться и аффиксы иностранного происхождения, попавшие в язык в составе заимствованных слов. Отсюда естественно сделать вывод, что изучение синхронного словообразования и анализ структуры слова основываются на разных принципах. Синхронное словообразование исходит из продуктивности типа, из его самостоятельности, морфология – из значимости элемента слова.²⁷

Компонентам слова свойственна разная степень выделяемости. Наиболее рельефно выступают те из них, которые в данный период развития языка обладают словообразующей функцией либо употребляются самостоятельно. Можно утверждать поэтому, что выделяемость морфемы связана с ее ролью в словообразовании. Однако эту зависимость не следует понимать прямолинейно. Многие элементы могут функционировать в языке самостоятельно и в то же время с трудом осознаваться в составе слов в силу их последующего семантического развития. В этой связи возникает специфический для морфологии основ вопрос о том, насколько нару-

²⁷ Смешение этих двух точек зрения, между прочим, нередко вызывает полемику вокруг определения морфемы. Большинство лингвистов понимает под морфемой наименьший элемент значения, либо – в отрицательном плане – «лингвистическую форму, не обладающую частичным фонетико—семантическим сходством с другой формой» [Bloomfield 1933: 161]. Подобная трактовка морфемы вызвала возражение у лингвистов, оценивающих данную категорию в функциональном плане. Так, Д. Болинджер определяет морфему как наименьший элемент, могущий входить в новые сочетания (см. [Bolinger 1948: 21]).

шение семантических отношений влияет на разложимость слова. Следует ли членить, например, такие испанские слова, как *gallardo* (от *gallo*), *despedir* (от *pedir*), *galante* (от *gala*) и пр.? Этот вопрос должен решаться в рамках более общей проблемы тождества языковых элементов.

Итак, аффиксальные компоненты слова могут обладать одновременно значимостью и продуктивностью. Их активность вводит их в круг словопроизводства, а их семантическое содержание определяет их участие в мотивировке значения слова, формирует его внутренний образ. При изучении синхронного словообразования принимается в расчет функциональная нагрузка элемента; исследуя синхронную морфологию слова, мы обращаем внимание на его значимость (*valeur*). Выясняя значение морфемы, возможно выделять ее в составе любого слова. Так, значение префиксов *des-* и *in-* одинаково ясно выступает в таких словах, как *desarrollar*, *deshojar*, *desequilibrar*, *desesperar(se)*, *independiente*, *incumplido*, *inquieto*, и таких, как *desarrollo*, *deshoje*, *desequilibrio*, *desesperanza*, *independerse*, *incumplir*, *inquietar*, хотя первый ряд слов действительно образован при помощи данных приставок, а второй нет. Основы перечисленных слов в равной степени мотивированы. Напротив, изучение словообразовательной функции элемента не допускает подобного произвола в выборе материала. Роль аффикса в словообразовании можно обнаружить, лишь наблюдая над структурой и значением слов, созданных при его прямом участии.

Мы говорили о компонентах слов, объединяющих семантическую значимость и словообразующую активность. Но если нельзя себе представить элементы продуктивные, но не осмысленные, то вполне возможно существование морфем значимых, но не функционирующих самостоятельно. Понятно, что не все аффиксы, встречающиеся в составе слов, сохранили продуктивность. Такие морфемы, как *-mienta* | *-menta*, *-ita*, *-ezno*, *-amen*, *-ático*, *-iento*, не создают в испанском языке новых слов, но, встречаясь в составе готовых единиц, они легко в них выделяются, чему способствует наличие аналогических образований. Ср. *herramienta*, *vestimenta*, *cornamenta*; *israelita*, *jesuita*; *lobezno*, *viborezno*; *certamen*, *botamen*, *pelamen*; *ponzoñiento*, *soñoliento*, *avariento*, *grasiento*, *hambriento*; *lunático*, *asiático*, *friático*. Эти элементы мотивируют значение слова²⁸ и поэтому должны изучаться в морфологии основ слова, но они не имеют никакого отношения к словообразованию данного периода.

Э. Пишон в одной из своих работ по теории словообразования²⁹ назвал механизм, ведущий мысль от производящей основы к производному слову, *démarrage psychologique* (т. е. психологическое отделение, отправление). Действие этого устройства, согласно Э. Пиш—ону, позволяет нам создавать новые слова. Механизм, ведущий мысль от производного слова к производящей основе, Э. Пишон назвал *amarrage psychologique* (т. е. психологическое сцепление, присоединение). Действие этого аппарата мысли позволяет нам понимать слова, даже если мы никогда раньше их не слышали. Наблюдая за непродуктивными морфемами, мы замечаем, что механизм *amarrage*, т. е. ассоциирование слова с определенной структурной серией, еще функционирует, хотя, возможно, и на холостом ходу, а процесс *démarrage* оказывается уже замершим.

²⁸ Это обстоятельство признавал и К. Пайк, вводящий, вслед за Болин—джером, в определение морфемы признак активности (см. [Pike 1954: 75, 87]). «Однако и пассивный морф, — пишет он, — может делать свой вклад в семантическое значение элемента, частью которого он является» (с. 89).

²⁹ [Pichon 1942: 68].

4. Остаточная выделяемость компонентов слов

Выше говорилось об аффиксах, отличающихся друг от друга наличием или отсутствием активности, но входящих в определенные морфологические серии. Наряду с ними существуют также единичные элементы, значение которых не опирается на аналогию. Ср. такие русские слова, как *попадья*, *сухомень*, *болтовня*, *молодежь*, *луковица*, *успех*, ср. такие испанские слова, как *terráqueo honesto*, *limítrofe*, *ganacaja*. Единичные компоненты обладают так называемой остаточной выделяемостью в составе слова. Их граница обусловлена границей соседнего элемента, а их семантическая нагрузка в современном языке определяется как разница в значении всего слова и другой его части. Она носит, следовательно, как бы вторичный характер. Вопрос о выделяемости подобных элементов, неповторимых и единственных в своем роде, должен решаться только в плане изучения морфологии слова. Но так как он наиболее очевидно вскрывает разницу в исследовательских приемах, используемых при морфологическом членении слова и при синхронном изучении словообразования, остановимся на нем несколько более подробно.

Проблема остаточного значения неоднократно дискутировалась на страницах лингвистической литературы. Одни ученые полагали, что единичные компоненты могут быть выделены в составе слова. Другие возражали против этого, третьи считали, что это возможно только по отношению к аффиксам. Так, Л. Блумфилд утверждал, что единичные элементы (*unique constituents*), встречающиеся лишь в одной комбинации, являются языковой формой. Если составная единица кроме общей части содержит остаток, такой как *cran-* в *cranberry*, который не встречается ни в какой другой сложной форме, то этот остаток есть также языковая форма, это единичный компонент комплексной формы,³⁰ писал Л. Блумфилд. Точка зрения Л. Блумфилда повлияла на взгляды многих американских дескриптивистов, которые в большинстве случаев стремятся соблюдать принцип морфемной полноты слова (*morphemic accountability*).³¹ Например, Дж. Гринберг, вводя для выделения морфем принцип «квадрата» (*square*), т. е. необходимого наличия в языке сочетаний типа *AC: BC:: AD: BD* (*eating: walking:: eats: walks*), сразу же оговаривается, что от этой нормы следует отступать, если речь идет о единичных элементах типа *huckle-* в *huckleberry*.³² Иного мнения придерживается Д. Болинджер, считающий, что значимость элемента слова определяется свойственной ему свободой сочетаемости.³³ Он отрицает саму возможность существования в языке остаточного значения, устанавливаемого методом вычитания, методом выяснения семантической разности.

Г. О. Винокур³⁴ дифференцировал вопрос о неповторимых компонентах слова, по—разному решив его применительно к основе и аффиксу. Г. О. Винокур полагал, что аффикс может быть выделен в слове, даже будучи единственным в своем роде. В то же время производящая основа не может быть обособлена, если она не встречается в свободном виде. Действительно, семантика основы и значение аффиксов существенно различаются по своему характеру и объему. Однако эта разница не настолько велика и принципиальна, чтобы помешать суммирова-

³⁰ [Bloomfield 1933: 160].

³¹ Позднее Ч. Хоккет внес в это положение корректив, заменив в нем понятие морфемы понятием морфа. См. [Hockett 1947: 322].

³² [Greenberg 1957: 20]. См. [Gleason 1956: 76–77]. Глисон выделяет элемент *cran-*, основываясь на распространенности в английском языке словосложения двух имен. Однако он замечает, что *cran-* менее рельефно выступает как морфемная единица, чем *-berry*. Последняя отвечает одновременно двум главнейшим признакам выделяемости: она входит в слово, построенное по определенной морфологической модели, и употребляется в других комбинациях (*nevertheless cran- cannot be considered as securely established as a morpheme as, say, -berry, where both morphologic patterns and direct contrasts converge* (p. 77)). См. рус. перевод [Глисон 1959: 121–122].

³³ [Bolinger 1948: 20].

³⁴ [Винокур 1946: 316–321].

нию этих величин в единой семантике слова.³⁵ Следовательно, это величины, которые могут быть приведены к одному знаменателю.

Вполне понятно, что выведенные методом вычитания значения будут лишь самыми общими. При этом содержание единичного аффикса существенно не отличается от значения обычного элемента словообразования. Например, функция суффикса в слове *попадья* близка к роли суффикса в словах *ударница*, *поэтесса*, *курсантка* и др. Функция суффикса в прилагательном *terráqueo* очень сходна с ролью суффиксов в таких словах как *terreno*, *terreo*, *terrero*. Напротив, семантика единственной в своем роде производящей основы оказывается весьма своеобразной, отличаясь от значения основы, имеющей самостоятельное употребление. Единичная основа не содержит мотивировки значения слова. Она непосредственно отсылает к предмету мысли. Содержание ее таково же, как содержание основы простого непроизводного слова. Именно это соображение, по—видимому, побудило Г. О. Винокура расчлнить проблему остаточного значения части слова.

Единственные в своем роде элементы слова не относятся к системе словообразования. Однако, обладая языковой ценностью, они потенциально могут получить также продуктивность, поскольку любое семантическое соотношение в языке как бы всегда является первой частью пропорции, по аналогии с которой могут быть созданы другие, так же соотносимые, пары. Так, шуточный вопрос о том, как будет женский род от слова *клоп*, предполагает ответ *клопадья*, опирающийся на модель *поп: попадья*, в которую входит единичный суффикс. Точно так же могут обособиться и получить самостоятельное употребление единичные основы слов.³⁶ Английские глаголы *to burgle*, *to butcher*, *to enthuse*, *to frivol*, *to laze*, *to peeve* выделены путем регрессивной деривации из слов *burglar*, *butcher*, *enthusiasm*, *frivolous*, *lazy*, *peevisish*. Ср. также в испанском языке образование существительного *asco* 'отвращение' путем обратной деривации от прилагательного *asqueroso* 'отвратительный'. Слово *leva* 'сюртук' возникло в результате отпадения элемента – *ita*, понятого как уменьшительный суффикс, в слове *levita*. Эти примеры еще раз свидетельствуют о том, что языковое сознание связывает с единичными компонентами (основой и аффиксами) определенное значение.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, подтверждающее сделанный вывод. При соединении единичных для данного языка основ с суффиксами отглагольного словопроизводства, выражающими отношения, близкие к грамматическим, полученные слова оказываются весьма сходными по своей смысловой структуре с обычными deverbalными производными. Например, *combustible* осознается так же, как *quemable*, производное от глагола *quemar* 'жечь', хотя глагола *combustir* в испанском языке не существует. В этой области нередко наблюдаются случаи обратного словообразования. Ср. *legislar* от *legislador*, *ilar* от *ilación*, *reivindicar* от *reivindicatorio* и др. При словопроизводстве, построенном на четких семантических отношениях единственные в своем роде основы получают определенную семантическую наполненность. Так, основа существительного *secreción* 'выделение', несомненно, осознается как глагольная, и в нее вкладывается значение 'выделять'. Основы прилагательных *fragante* 'благоуханный, ароматный', *permeable* 'промокаемый', *compatible* 'совместимый' также ощущаются как глагольные, и с ними ассоциируются определенные значения. Следовательно, когда производные слова лишены идиоматичности, наличие значения у аффиксального элемента позволяет связать с производящей основой языковое значение, имеющее весьма четкие контуры, даже если эта основа не встречается в других комбинациях.

Приведенные соображения свидетельствуют о том, что критерий и, следовательно, приемы выделения значимых элементов слова (морфем) являются иными, чем критерий и приемы выделения элементов, действующих в словообразовании.

³⁵ См. [Смирницкий 1948: 24–25].

³⁶ См. [Смирницкий 1948: 25–26].

Указанная разница в приемах проявляется не только тогда, когда речь идет о единичных компонентах слова. Ее не менее важно соблюдать при анализе слов, в которых аффиксальный элемент получает новое, необычное для данной модели значение. Последнее нередко возникает в результате семантического развития слова, его переосмысления. Так, например, суффикс —*ón*, соединяясь с названиями частей тела, указывает на посессивность, выделяя доминирующее свойство субъекта. Ср. *narigón* 'носатый', *cabezón* 'большоголовый', *barrigón* 'пузатый'. Такие, слова, как *pelón* и *gabón*, также, возможно, первоначально употреблялись в аналогичном смысле. Затем в них возобладало отрицательное значение, ставшее прямым и единственным. В настоящий момент *pelón* означает 'лысый, безволосый', а *gabón* – 'бесхвостый', 'куций'. Значение слова *pelón* стало ассоциироваться с глаголом *pelar* 'ощипывать', 'выдирать волосы', которому было придано страдательное значение. Антонимическое же значение передается прилагательным *cabelludo*, синонимия суффиксов —*ón* и —*udo* сначала запутала деривации аугмента—тивов, а потом активность перешла к суффиксу —*udo*; ср. *gabudo* 'хвостатый'. Приведенный пример показывает запутанные и подвижные отношения между морфологическим и деривативным составом испанских слов.

Очевидно, что морфологическая ценность аффиксального элемента бывает либо равна его словообразовательной функции, либо превосходит ее, является более расчлененной, многогранной, богатой оттенками. Значение морфемы, однако, никогда не может оказаться уже, беднее, прямолинейней ее возможностей в словообразовании.

Выше говорилось, что изменение семантики целого может вести к преобразованию функции аффиксального элемента. В этом случае слова не выпадают из соответствующего лексического гнезда. Однако возможен другой случай, когда смысловое перерождение целого отражается именно на семантике корневого элемента, отрывая слово от лексической семьи; ср. *galante*, *gallardo*, *despedir(se)*, *proponer*, *prometer*, *proceder*. Разложение таких слов на морфемы, по—видимому, остается допустимым, хотя производящая основа и проявляет тенденцию к поглощению аффикса.

Синхронное состояние словообразования не совпадает с морфемным составом имеющих в языке слов. Однако различие между этими аспектами языка заключается не только в том, что они оперируют разным конкретным материалом. Оно, как представляется, имеет еще и другую сторону. Действующее в языке словообразование принадлежит к *langue* уже в силу своей системности, в то время как морфология основ слов относится скорее к области *parole*, поскольку мы говорили пока об изучении морфемного состава всех имеющих в языке слов, включая все случайное, индивидуальное, частное.

5. Проблема продуктивности словообразовательных моделей

Выше речь шла о том, что критерием выделения словообразовательных типов, входящих в синхронную систему языка, является их продуктивность. Определение активности модели словообразования представляет трудности при составлении описательной грамматики языка.

Некоторые ученые считают проблему продуктивности практически неразрешимой. Так, один из видных представителей дескриптивизма – З. Хэррис писал: «Методы описательной лингвистики не могут выявить степень продуктивности элементов, поскольку последняя определяется разницей между нашим корпусом (который может охватывать весь современный язык) и неким будущим корпусом языка».³⁷ Все же, понимая кардинальное значение этого вопроса для воссоздания правильных пропорций в системе языка, З. Хэррис допускал использование с этой целью некоторых приемов дескриптивной лингвистики. Вот один из них. Если большое число элементов класса А вступает в сочетание с элементами класса X, то создается высокая степень вероятности аналогичного соединения других элементов этих двух классов. При наличии этого условия можно считать конструкцию продуктивной.³⁸ З. Хэррис, как и другие представители его школы,³⁹ рассматривает продуктивность синтаксических и словообразовательных моделей в одном плане, используя в том и другом случае одинаковые приемы исследования. На самом деле специфика словообразования в его отношении к лексическому составу языка требует особого метода наблюдений. Продуктивность синтаксической конструкции большей частью бывает тождественна ее употребительности, так как она организуется в процессе речи. Активность словообразовательной модели не всегда совпадает с ее распространенностью, поскольку ранее созданные слова продолжают жить и употребляться в языке. Они могут в определенный момент преобладать над моделью, получившей активность, но еще не создавшей многочисленного лексического ряда. Поэтому в области словообразования нельзя прямолинейно отождествлять степень распространения конструкции с ее жизнеспособностью.

Другие ученые, занимающиеся также вопросами синхронии, подчеркивают, что описание современного словообразования не может быть верным без учета продуктивности деривативных оппозиций. Это главный признак, позволяющий дифференцировать живые и омертвевшие части языкового организма.⁴⁰ «Может быть, полезно перечислить непродуктивные типы соотношений, – пишет Х. Марчанд, – но по сути дела они не больше характеризуют структурную систему деривации, чем, скажем, римские бани, выстроенные в наш век по приказу миллионера, характеризуют банные заведения какой—либо страны».⁴¹ Признавая необходимость выявления активных моделей современного языка, Х. Марчанд рекомендует использовать для этого некоторые данные диахронии.⁴²

Более подробно разбираются приемы выделения активных элементов языка в большом исследовании К. Пайка,⁴³ ученика и последователя Сэпира. К. Пайк выдвигает следующие признаки продуктивности морфемы и грамемы (ниже приводятся только тесты, относящиеся к категориям словообразования). Можно считать аффикс активным, если его комбинация с основой возникла в недавнее время. Однако, оговаривается К. Пайк, этот критерий лишен точ-

³⁷ [Harris 1951: 265].

³⁸ [Ibid.: 374–375].

³⁹ См., например, [Hockett 1957: 255].

⁴⁰ [Marchand 1951a: 97].

⁴¹ [Ibid.: 98].

⁴² [Marchand 1955b: 13].

⁴³ [Pike 1954: 87 ff.].

ности. Не ясно, например, довольно ли одного неологизма, для того, чтобы признать морфему продуктивной. Не всегда можно также сразу определить, является ли новое слово общепринятым или индивидуальным. Этот тест заключается в сопоставлении разных языковых состояний и лежит, следовательно, в плане диахронии. Следующим условием активности является наличие у морфемы значения или структурной функции. Этот признак может быть выяснен двумя способами. Первый из них заключается в косвенном опросе информантов. Второй – в наблюдении над участием морфемы в словообразовании. Если морфема вносит в общую семантику слов одно и то же значение, можно полагать, что она обладает регулярной смысловой нагрузкой. Если один из предложенных тестов дает положительный результат, а другой – отрицательный, морфему следует считать полуактивной.

Активными признаются также те морфемы, значение или функция которых может быть выяснена только в ответ на прямой вопрос информанту. В этом случае, как и во многих других, К. Пайк отходит от методики дескриптивистов. Последние считали нецелесообразным спрашивать информантов о значении морфем. Носитель языка легко может дать ложный ответ, сообщив, например, что пассивная морфема *cran-* в *cranberry* 'клюква' означает 'красный'.⁴⁴ Активными, согласно К. Пайку, являются также морфемы, на границе которых возможна пауза либо интонационный перебой, отсутствующий на рубеже пассивных морфем. Ср. *recover* 'вернуть, получить обратно' и *re'cover* 'вновь покрыть'. Во втором слове префикс несет второстепенное ударение, которого нет в первом глаголе. Морфема признается активной, если она легко выделяема в потоке речи и имеет четкие границы.

Вот те основные признаки активности, которые предлагает использовать К. Пайк. Как нетрудно было убедиться, он прибегает к данным истории языка, сочетая их с приемами синхронного исследования.

Автор ничего не говорит о том, какие из отмеченных тестов являются достаточными для определения активности морфемы, а которые из них носят вспомогательный, контрольный характер.

К. Пайк ставит проблему активности морфемы в плане анализа структуры слова. Признаки активности для него есть принципы членения слова.

Некоторые представители дескриптивной лингвистики пытаются преодолеть трудности выделения живых способов словообразования при помощи статистического метода. Остановимся на одной из подобных работ, посвященной английскому словообразованию.⁴⁵ Ф. Харвуд и А. Райт строят свое исследование на данных частотного словаря Торндайка и Лорджа.⁴⁶ Словарь состоит из двух частей. В первую часть входят 19440 наиболее распространенных слов, частотность которых дана из расчета на один миллион. Во вторую часть включены 10560 слов с частотностью употребления на 18 миллионов. В статье Ф. Харвуда и А. Райта приводятся сведения о том, сколько раз встречается тот или иной суффикс в первой и второй частях словаря. Дополнительно указывается число сочетаний суффикса со связанными и свободными основами, причем в особом приложении перечисляются все возможные фонетические варианты основ. Специальная таблица содержит сведения о суффиксальных образованиях, произведенных от слов, не входящих в первую часть словаря. Приводятся также цифры об употребительности простого слова по сравнению с производным. Это, как пишут авторы статьи, позволяет судить, насколько живо ощущается говорящими тот или иной суффикс. В отдельной таблице освещено участие в словообразовании разных частей речи. Во втором разделе работы показаны типы эквивалентности суффиксальных производных синтаксическим конструкциям. На нем мы специально останавливаться не будем.

⁴⁴ См. [Bloomfield 1933: 160].

⁴⁵ [Harwood, Wright 1956].

⁴⁶ [Thorndike, Lorge 1944].

Организованные подобным способом данные весьма полезны при изучении словообразования. Однако прочной основы для решения проблемы продуктивности они не содержат. Активность аффиксов не определяется структурой наиболее употребительных слов, так как обычно они образуют уже отстоявшийся фонд, сформированный в прежние периоды развития языка. Напротив, текущее словообразование часто производит слова, не сразу получающие широкое распространение. Мы не говорим уже о разного рода специализированных терминах, принадлежащих к периферийным областям лексики. Статистические данные всегда основываются на структуре существующих слов. По ним можно судить о морфемном составе лексики, но они не создают правильного представления о действующем в языке словообразовании. Это очень хорошо видно на примере цифр, приведенных в цитированной уже работе С. Мёрфи. Среди 1030 собранных им производных существительных чаще всего встречается суффикс – *ión* (107 раз), образующий имена действия. Суффикс – *miento*, имеющий то же значение, входит в состав только 26 слов.⁴⁷ На самом деле – *miento* является весьма активным элементом, в то время как – *ión* вошел в испанский язык преимущественно в составе латинизмов. Ср. *esuación*, *petición*, *posición*, *absolución*, *revolución*, *alusión*, *visión*, *concepción*, *ficción*, *acción*, *erudición*, *emoción* и пр.

Приведем еще пример. В испанском языке увеличивалось количество производных с суффиксом – *tud/-ud* (лат. – *tute*). Однако рост числа слов данной структуры шел исключительно за счет вхождения в язык культизмов (таковы *altitude*, *ingratitude*, *juventud*, *multitude*, *semilitud*, *solicitud*, *virtud*). Многие из них сохранили доселе свою употребительность. Однако новых слов с этим суффиксом практически не образуется. Его функцию (образование имен качества) взял на себя суффикс – *dad* (лат. – *tate*). В староиспанском языке с этим суффиксом соперничал суффикс – *ez/-eza*, особенно частотный в сочинениях Альфонса Мудрого, но и он по продуктивности не идет в сравнение с суф. – *dad* (*-dad*, *-edad*, *-idad*), который и в этом случае вышел победителем, обнаружив превосходящую соперников лексическую силу.

Суффикс – *ez* сохранил свою позицию почти исключительно в именах собственных (*Gómez*, *Alvárez*, *González*, *Sánchez*, *Ramírez* и др.). Суффикс – *eza* закрепился в большой серии общеупотребительных слов (*pobreza*, *limpieza*, *nobleza*, *belleza*, *riqueza*, *tristeza*, *firmeza* и др.)

Как бы быстро не менялся язык, в нем веками не стирается связь между формальной и содержательной структурами слов.

Приведенный пример показывает, насколько живо ощущение словообразовательной структуры слова у носителей языка. Даже латинизмы и культизмы, слова производные от латинизмов, в течение веков сохраняют способность служить моделью для аналогичных образований.

Хотя – (*i*)*tud* обладает как бы нулевой продуктивностью, иногда внезапно возникают включающие его слова: *negritud* (< fr. *négritude*), аналог *berberitud*, *gitanitud*. Были зафиксированы также: *inexpli—citud*, *implicitud*, *definitud*. Ср. также неологизмы *netitud*, *planitud*, *similaritud* (Bustos 1986).

Статистические данные употребления аффиксов характеризуют скорее структуру существующей лексики, нежели синхронную систему словообразования, отражающую развитие феноменов живой жизни.

Ф. Брюно замечает: «Продуктивность суффиксов зависит от разного рода условий, главным из которых является их полезность. В индустриальный век, подобный нашему, суффиксы, образующие названия машин, обладают особой активностью».⁴⁸

⁴⁷ [Murphy 1954: 9].

⁴⁸ [Brunot 1953: 61].

Ниже будет видно, что при изучении системы словообразования очень существенно отличать собственно лингвистические факторы, ограничивающие активность модели, от факторов неязыковых, связанных с развитием понятий, составляющих содержание лексики языка.

К нелингвистическим причинам, влияющим на функционирование моделей, могут быть отнесены следующие: 1) объем и темпы расширения понятийной категории, соответствующей данному типу словообразования; 2) количество слов, могущих служить производящей основой.⁴⁹ Отсутствие неологизмов, вызванное одним из этих факторов, не обязательно свидетельствует об омертвлении словообразовательной модели. Так, испанский суффикс – *astro* употребляется для образования слов весьма частного значения и ассоциируется с ограниченным числом производящих основ. Ср. следующий семантически однородный ряд: *hijastro*, – а 'пасынок, падчерица', *padraastro* 'отчим', *madrastra* 'мачеха', *hermanastro*, – а 'сводный брат, сестра', *uernastro* 'муж падчерицы' и др. Число таких слов как бы заранее определено в языке и вряд ли может увеличиваться. Это замкнутая лексическая категория. Однако вся группа слов этого значения построена по единому структурному образцу.⁵⁰ Поэтому суффикс весьма ясно ощущается говорящими. Он должен, по—видимому, быть отнесен к синхронной системе языка, несмотря на то что его словообразовательные возможности уже практически исчерпаны. Приведем любопытный диалог, взятый из повести М. Унамуно.

– *Pues que vamos a tener un nietito ...*

– *¿Nietito? ¡Tuyo! ¡Mío será nietastrito! ... No, no, a mi me gusta propiedad en la lengua. El hijo de la hijastra, nietastrito.*

– *Y el hijastro de la hija ¿cómo?*

– *Tienes razón, Rosita... Y luego dirán que es rica esta pobre lengua nuestra castellana..., rica lengua, rica lengua...*

Y Emeterio se quedó pensando, al ver a Paquito:

– *Y éste, el hijo político de mi mujer, ¿qué es mío? ¿Hijastro político? ¿O hijo polícastro? ¿O hijastro polícastro? ¡Qué lío!» (Una—muno).*

(У нас скоро появится внучонок. – Внучонок? Твой! Мне он будет не родным внуком! Нет, нет, я люблю употреблять слова по назначению. Сын моей падчерицы не приходится мне родным внуком. – А как называется пасынок дочери? – Ты права, Розита... А еще говорят, что богат наш бедный испанский язык... Богатый язык, богатый язык... – И Эметерио задумался, увидев Паquito: ¿А этот, зять моей жены, кем приходится он мне? *Hijastro político* или *hijo polícastro* или *hijastro polícastro*? Какая путаница!).

В приведенном отрывке любопытны два момента. Один из собеседников обращает внимание на то, что слово *nietastro* по существу двусмысленно. Оно может обозначать как сына падчерицы, так и пасынка дочери. Но сейчас для нас важнее другое. В испанском языке существуют специальные слова для обозначения отношений свойства. Ср. *uerno* 'зять', *puera* 'невестка', *suegro* 'тесть, свекор', *suegra* 'теща, свекровь'. К основам этих слов может присоединяться суффикс – *astro*, ср. *uernastro* 'муж падчерицы'. Кроме отмеченных слов, все больше укрепляется в языке другой способ обозначения свойственников, согласно которому к названию родственников прибавляется прилагательное *político*, ср. *hijo político* 'зять', *hija política* 'невестка', *padre político* 'тесть, свекор', *madre política* 'теща, свекровь'. Эметерио, один из собеседников в приведенном диалоге, употребляет для обозначения зятя фразеологизм *hijo político* и хочет образовать от этого сочетания название мужа падчерицы. Но тут он попадает в тупик. Он чувствует, что должен использовать суффикс – *astro*, но сомневается, к какому компоненту

⁴⁹ Это условие считается нами нелингвистическим, поскольку оно также косвенно отражает развитие определенной категории понятий.

⁵⁰ Такие слова, как *entonado* и *antenado* (от лат. *antenatus* 'рожденный прежде'), – а и *alnado*, – а 'пасынок, падчерица', практически не употребляются в современном языке.

следует его прибавить: к первому (*hijastro político*), второму (*hijo politicastro*) или к обоим одновременно (*hijastro politicastro*).

Суффикс – *astro*, как уже говорилось, семантически связан с замкнувшейся лексической категорией. Он как будто замер, истощив свои словообразующие возможности. Однако в испанском языке произошла замена некоторых названий свойства, служащих для – *astro* производящей основой. Это вновь втягивает – *astro* в словообразование. Разобранный пример показывает, что – *astro*, не создавая новых слов, сохранял свои позиции в системе словопроизводства. Следовательно, отсутствие неологизмов с тем или иным аффиксом не всегда свидетельствует о его выпадении из строя языка.⁵¹

В аналогичном положении находятся русские суффиксы – *ина* и – *ика*, образующие названия сортов ягод. Ср. *калина, рябина, малина, смородина; голубика, ежевика, земляника, клубника, костяника* и пр. Функционирование этих элементов парализовано тем, что в природе практически не возникает новых разновидностей ягод. Значит ли это, что суффиксы – *ина* и – *ика* являются мертвыми элементами, характеризующими только морфологию ранее созданных слов? Можно полагать, что нет, так как большинство названий ягод оформлено одним из этих суффиксов. Последние, следовательно, не утрачивают ассоциации с указанной семантической категорией.

При синхронном исследовании словообразования необходимо иметь в виду принципиальную разницу между замкнутостью понятийного (лексического) класса и замкнутостью словообразовательного ряда. Последняя обычно характеризуется тем, что соответствующая лексическая категория начинает обслуживаться другими языковыми (не обязательно словообразовательными) средствами. Можно, например, говорить о непродуктивности суффикса – (*i*)*ento* (ср. *grasiento, avariento, polvoriento*), поскольку его значение принял на себя элемент – *oso* (ср. *arenoso, pastoso, generoso* и даже *grasoso, avaricioso, polvoroso*). Однако неправильно относить к диахронии такие аффиксы, как исп. – *astro*, рус. – *ина, –ика*, англ. *step-*.

Число неологизмов, а также объем структурных классов слов могут зависеть от движения понятийного состава лексики, от ее смыслового развития и несколько не отражать эволюции языковой структуры. Например, суффикс – *astro* практически не создает новых слов. Такой элемент, как – *eño*, напротив, активно образует в испанском языке относительные прилагательные от топонимов (ср. *extremeño, madrileño, malagueño, porteño*). Однако, наряду с – *eño*, в этом же значении функционируют и другие суффиксы, такие как – *ense, –és, –ero, –apo, –ino*. Они синонимичны и обладают сравнительной активностью, которая определяется по числу производных и их географической предопределенностью.

Продуктивность аффикса может быть ограничена, как уже упоминалось, количеством основ, к которым он присоединяется, согласно условиям своего функционирования. Так, суффикс относительных прилагательных – *uno* сочетается почти исключительно с названиями животных. Число подобных слов практически не увеличивается, ср. *conejuno, lebruno, cabruno, zorruno, caballuno, vacuno, ovejuno, abejuno*. Суффикс – *udo* присоединяется к названиям частей тела, ср. *cabezudo, narigudo, orejudo, panzudo, dentudo*. В этом случае количество производящих основ еще ограниченной, тем более что есть исключения: (**manudo*), а также суффикс – соперник – *ón* (*narigón*). Жизнедеятельность этого рода аффиксов зависит, следовательно, от числа основ, с которыми они могут сочетаться. Если база словопроизводства полностью охвачена данными элементами, их дальнейшая активность парализуется. Это условие, ограничивающее продуктивность словообразовательного типа, связано с его лингвистической структурой (об этом ниже), но оно зависит также и от понятийного состава лексики языка. Продуктивность

⁵¹ Любопытно сравнить испанский суффикс – *astro* с элементом – *им*, входящим в такие русские слова, как *отчим, побратим*. Суффикс – *им* не относится к действующему словообразованию именно потому, что он не оформляет всей группы слов близкого значения. Его функция не выражена поэтому вполне отчетливо. В ином положении находится английский элемент *step-*: ср. *step—mother, step—father, step—brother, step—sister, step—daughter, step—son* и др.

аффиксов определяется сравнением количества слов, могущих служить основой деривации, с числом реально существующих производных. Так, любопытно сопоставить число прилагательных типа *cabezudo*, *orejudo* с количеством существительных, обозначающих части тела.

Очевидно, что активность суффикса – *udo* распространяется прежде всего на имена наблюдаемых частей тела. Они характеризуют внешний облик человека. Едва ли возникает нужда расширять его действие на имена внутренних органов: ср. **riñonudo* (от *riñón* 'почка'), **higadudo* (от *hígado* 'печень'). Вряд ли также может возникнуть потребность в прилагательном **ombligudo* 'пупастый'.

Употребительно *barrigón* и *barrigudo* 'пузатый', но не встречается **intestinudo* (от *intestino* 'кишка'), хотя можно допустить такое употребление во врачебной или кулинарной практике, а также в фигуральном смысле, если учесть, что имена внутренних органов имеют много переносных значений.

Таким образом, названия частей тела охотно образуют производные, не избегая при этом употребление суффикса – *udo*, имеющего увеличительное значение. Для суффикса – *udo* важна не столько увеличительность как таковая, сколько размер объектов, создающих внешний образ живых существ. Впрочем, встречаются и исключения, ср. *sojudo* 'некастрированный, нехолощенный (о животном)'. Испанский Академический словарь (RAE 1956) возводит это слово к лат. *sóleus* анат. 'яйцо, семенник', хотя оно наводит на мысль о *sojones*.

Прием количественного сопоставления производящих слов и их дериватов эффективен, если в смысловом отношении возможно образование производного от любого слова, принадлежащего к данной категории. Суффикс – *dor*, входя в структуру прилагательных, указывает на активное отношение к действию и с точки зрения смысла может присоединяться к любому глаголу. Ср. *hablador*, *copcedor*, *sabidor*, *bramador*, *ladrador*, *mordedor* и пр. Поэтому небезынтересно выяснить, действительно ли он сочетается с основами всех глаголов, абсолютна ли его словообразующая активность и если есть ограничения, то чем они вызваны. Этот же суффикс создает названия лица по профессиональному признаку. Очевидно, что не всякое действие, выражаемое глагольной основой, может быть профессиональным. Сопоставление числа производных с числом производящих основ оказывается в данном случае нецелесообразным. Здесь активность модели определяется мерой надобности.

Рассмотрим теперь собственно лингвистические факторы, определяющие активность элементов словообразования.

6. Лингвистический аспект продуктивности словообразовательных моделей

Функционирование словообразовательных типов ограничено различными лингвистическими причинами. Последние зависят от тех направлений, в которых развивается словообразовательная аналогия. Активность одних аффиксов лимитирована основами определенного лексического значения. Так, суффиксы относительных прилагательных—*ешо* и *–ense* присоединяются преимущественно к основам топонимов. Ср. *malagueño, madrileño, ciudad—realeño, guadalajareño, calatraveño, alpujareño, rioplatense, alavense, almeriense, ni—caraguense, costarricense, etc.* Суффикс *–ero*, выполняющий в языке ту же роль, этого ограничения не имеет, ср. *civilero, frontero, costero, verdadero, callejero, rionegrero, cartajenero, pampero, valdepeñero, manzanillero*. Словообразующая активность *–eño* и *–ense* оказывается как бы не в силах преодолеть лексическую аналогию, обуславливающую их применение. Они ориентированы на узкую категорию слов. Другие элементы тяготеют к основам определенного морфологического строения. Суффикс *—í—а* присоединяется большей частью к основам с исходом на *–er –o*, ср. *pedrería, bachillería, panadería, mercadería, librería, lechería*. В результате этого сцепления в языке возник самостоятельный суффикс *–ería*, ср. *correría, niñería, burlería, sofistería, albañilería, bobería, aldeanería, mironería, gitanería, mentecatería, bellaquería, chiquillería*. Суффикс существительных *–e—o* обра—зует имена от глаголов на *–e—ar*, ср. *zapatear – zapateo, patear – pateo, titubear – titubeo, vocear – voceo, pasear – paseo, manotear – manoteo, relampaguear – relampagueo*.⁵² Суффикс *–ario* сочетается с основами книжных слов, латинизмов, и это сильно сужает сферу его применения, ср. *bibliotecario, humanitario, subsidiario, bancario, destinatario*. Корневой элемент *–forme* присоединяется только к латинским основам, участвуя в образовании специальных терминов. Ср. *pisciforme, filiforme, digitiforme, periforme, esteliforme, cuneiforme, caliciforme, peniforme, lingüiforme*.

Напротив, такой суффикс, как *–(i)ego*, примыкает к основам народных слов (*voces populares*). Ср. *salariego, andariego, mujeriego, manchego, vinariego, aldeaniego*. Это обстоятельство также лимитирует продуктивность модели. Образование отглагольных имен при помощи конечных гласных *–o, –a, –e* невозможно в тех случаях, когда производящий глагол имеет неправильные формы спряжения и не обладает единой основой. Так, при общей большой продуктивности этой модели словообразования отсутствуют производные от таких глаголов, как *ser, estar, tener, ver, saber, conducir, decir* и пр.

Словообразование может быть затруднено факторами фонетического порядка, связанными с адаптацией звукового состава основ к присоединяемому компоненту. Так, в образовании сложных прилагательных типа *manilargo* участвуют почти все названия частей тела. Ср. *ojituerto, alicortado, perniquebrado, patizanco, pelirrojo, pancir—relleno, bracitendido, culiblanco, uñilargo, corniabierto, cuellilargo, casquivano, cabeciduro, rostrituerto, cariblanco, pechirrojo, colilargo, barbilampiño, boquiseco, piquituerto, sejiunto*. Однако отсутствует композиция с основами таких слов, как *labio, pie*, и некоторых других. Можно полагать, что это вызвано фонетическими причинами: наличием *i—* основы и угрозой хиата.

Следует заметить, что противодействие, оказываемое словообразованию звуковой оболочкой слова, является устранимым. В языке обычно вырабатываются варианты модели, использование которых не нарушает его фонетических норм. Ср. такие варианты испанских

⁵² Тяготение к основам определенной морфологической и фонетической структуры обычно характеризует синонимические типы словообразования. Так, суффикс *–ino* присоединяется к топонимам, основы которых содержат *a* или оканчиваются на *–a* (*granadino, bilbaíno, alcaláino*). Суффикс *—és* сочетается преимущественно с основами с исходом на *g* или плавную (*vigués, lugués, coruñés, torés, roncalés*).

суффиксов, как – ano | – ino, – dad | – idad. Поэтому едва ли можно согласиться с учеными, видящими одну из основных причин упадка французской деривации в том, что большинство основ французского языка оканчивается на гласную, которая, в сочетании с начальной гласной суффикса, давала хиат.⁵³ Неспособность модели преодолеть звуковое сопротивление материала чаще всего является признаком ее общей непродуктивности, вызванной иными причинами.

Некоторые модели словообразования активны только в рамках определенной синтаксической конструкции. Например, префикс *re-* (*rete-*), выражающий повторность или эмфазу, обладает жизненной силой только в сочинительных словосочетаниях с союзом *y* 'и'. Ср. *gusto y regusto, cambio y recambio, vueltas y revueltas, pruebas y repruebas, viejo y reviejo, pasado y repasado, pensado y repensado, mugriento y retemugriento, bien y rebien, viva y reviva*. В словосочетаниях этого типа встречаются и другие префиксы, выражающие эмфазу и совсем непродуктивные в этом значении, ср. *unto y bisunto, sudar y trasudar*. Напротив, в усилительных сочетаниях другой структуры, а именно, в конструкциях с союзом *pero* 'но', распространенных в разговорном языке, префикс *re-* никогда не замещает наречия. Ср. *malo, pero muy malo; bien, pero muy bien; majo, pero muy majo*. Это говорит в пользу того, что выбор средства выражения эмфазы зависит от строения словосочетания и характерной для него интонации.

Активность словообразовательных типов обусловлена в некоторой степени и семантическим соотношением внутри коррелирующей пары. Если последнее регулярно, создание неологизма не требует поисков производящей основы. Так, имена деятеля образуются от названия соответствующего действия, собирательные имена – от названий отдельных предметов и пр. Выбор производящей основы не является в таких случаях произвольным. Однако не все типы словообразования обладают этим свойством. Существуют модели, допускающие значительное варьирование внутренней формы. Например, русские названия ягод создаются от прилагательных, указывающих на самые различные признаки сорта. Ср. *клубника, земляника, рябина, костяника, черника, брусника* и др. То же относится к таким испанским названиям цвета, основанным на сравнении, как *morado, rosado, violado, plateado, pajado, nevado; plumizo, sobrizo, pajizo; cetrino, alabastrino, perlino*. Деривация, опирающаяся на образное представление, наименее грамматизована, наиболее лексична, конкретна, индивидуальна.

Перечисленные ограничения продуктивности связаны с самой функциональной структурой модели. В области деривации это, по существу, пределы сочетаемости аффиксов. Некоторые элементы безразличны к лексическому, морфологическому и фонетическому свойствам основы, другие относятся к основам избирательно. Одни модели нейтральны в стилистическом отношении, другие обслуживают частную стилистическую сферу языка. Чем больше дополнительных оттенков сопровождает основное значение модели, тем более ограниченным оказывается ареал ее действия. Разные типы словообразования имеют разное число границ, очерчивающих область их применения.

Существуют и другого рода лингвистические факторы, лимитирующие активность моделей уже в пределах определенного значения. Мы имеем в виду параллельное употребление синонимических конструкций. Синонимия в области словообразования может трактоваться по-разному. Если подойти к этому вопросу с точки зрения семантической однородности создаваемых слов, их принадлежности к одному лексическому классу, то различаются следующие типы моделей—синонимов. Синонимичными бывают разные виды словообразования. Например, словосложение типа *guardabosque, sacacorchos* соперничает с суффиксальным словопроизводством типа *deshollinador, desclavador* в создании названий инструмента и профессиональной характеристики лица. Причины преобладания того или другого вида словообразо-

⁵³ См., например, [Dauzat 1931: 73; Camproux 1951]. Ж. Марузо возражал против точки зрения А. Доза, видевшего одну из причин разрушения французской деривации в скоплении гласных на границе основы и суффикса. [Marouzeau 1951: 1955 (с!1. II, 2. Déficience de la dérivation)].

вания чаще всего приходится искать в общих закономерностях развития языковой системы. В испанском языке с его обилием морфологических форм и аффиксальных элементов отдается предпочтение деривации. Синонимичными могут оказаться модели одного вида, обладающие в то же время различной словообразовательной структурой. В рамках лексической категории названий профессии применяется отыменная деривация с суффиксами – *ero* и – *ista* (*vaquero*, *acemilero*, *calcetero*, *violinista*, *florista*) и отглагольное словопроизводство при помощи элементов – *dor* и – *ante* | – *iente* (*regidor*, *cantante*, *dependiente*). Указанные два типа могут давать языку слова—синонимы (*sacacorchos* и *desclavador*), но они не создают вариантов слова. Наконец, могут конкурировать между собой одинаковые по своему строению модели (т. е. синонимические конструкции в собственном смысле этого термина). Ср. – *ada*, – *azo* (*cuchillada*, *sablazo*, *puñetazo*), – *ón* | – *udo* (*cabezón*, *narigón*, *peludo*, *orejudo*), – (c)ión; – *miento*, – *ada*, – *dura*, – *anza*, – *encia*, – *a*, – *o*, – *e* (*sublevación*, *llamamiento*, *andanza*, *comienzo*, *desfile*, *toma*, *andadura*, *querencia*, *llegada*, *caída*), – *dad*, – *ez(a)*, – *ura*, – *or* (*tranquilidad*, *gentileza*, *rapidez*, *blancura*, *verdor*). Синонимия этого рода иногда вводит в язык словообразовательные дублиеты или варианты слова, ср. *narigón* | *narigudo*; *dulzor* | *dulzura*; *simplicidad* | *simpleza*; *protesta* | *protestación*; *cabezazo* | *cabezada*; *braveza* | *bravura*; *desorientamiento* | *desorientación*; *torpedad* | *torpeza*; *encantamiento* | *encanto*; *desmoche* | *desmocha* | *desmochadura*. Вопрос о причинах преобладания той или иной конструкции не прост. Он обычно решается с учетом стилистической окрашенности создаваемых слов, дополнительных смысловых оттенков, которые они могут выражать, их диалектальной принадлежности, яркости и употребительности так называемого лидирующего слова и других обстоятельств.

Говоря о продуктивности словообразовательных типов, обслуживающих одну лексическую категорию, мы, конечно, вправе сравнивать количества возникающих неологизмов. Эти сопоставления непосредственно характеризуют языковую активность моделей. При наличии параллельных образований, не дифференцировавшихся по значению и стилистической окраске, существенно также обращать внимание на их сравнительную употребительность.

Словообразование современного испанского языка отличается расчлененной системой синонимии, отсутствием унификации, действием перекрещивающихся форм аналогии, наконец, свободой выбора. В него входит большое количество дублирующих друг друга словообразовательных типов. Оно характеризуется неустойчивостью звуковой формы суффиксов, отсутствием системной строгости и однозначности моделей. Выше уже отмечались некоторые примеры словообразовательных синонимов. Приведем еще два—три очень показательных в этом отношении примера. Следующие элементы, соединяясь с названиями цвета, выражают ослабление качества, меньшую интенсивность цвета: – *uzco* (*parduzco*, *verduzco*, *negruzco*), – *usco* (*verduzco*), – *uzo* (*negruzo*), – *áceo* (*grisáceo*, *rosáceo*, *violáceo*), – (i)ento (*amarillento*), – *enm* (*azulenco*), – *ado* (*azulado*), – *izo* (*rojizo*, *bermejizo*, *blanquizo*), – *ecino* (*blanquecino*), – *esco*, – *izco*, – *isco* (*blanquesco*, *blanquizco*, *blanquisco*), – *ino* (*azulino*), – *oso* (*azuloso*, *amarilloso*, *verdoso*).⁵⁴

В результате функционирования этих типов словообразования возникают многочисленные варианты слова. Ср. *azulenco*, *azuloso*, *azulado*, *azulino*; *blanquecino*, *blanquizo*, *blanquizco*, *blanquesco*, *blanquisco*, *blancazo*, *blanquinoso*.

Очень большое количество суффиксов присоединяется к основам топонимов. Ср. – *ense* (*rioplatense*), – *és* (*cardobés*) – *ero* (*santiaguero*), – *eño* (*malagueño*), – *ano* (*sevillano*), – *ino* (*granadino*), – (i)ego (*manche-go*), – *ista* (*penquista*), – *teco* (*guatemalteco*), – *ita* (*moscovita*), – *í* (*zamorí*), – *oso* (*terrinchoso*).

⁵⁴ Почти все приведенные прилагательные взяты из одного произведения. См.: А. Arraiz. Dámaso Velázquez. Caracas, 1944. P. 13, 18, 19, 40, 72, 121, 135, 146, 200, 206, 208, 211, 213, 214, 215, 216, 217.

На пестроту действующих в этой области моделей обращали внимание многие языковеды. Так, Р. Ленц замечает: «Странно, что испанский язык не выработал нормального способа для того, чтобы образовывать названия жителей областей и городов».⁵⁵ Вполне понятно, что обилие суффиксов, соединяющихся с основами топонимов, объясняется диалектальными особенностями речи Испании и Латинской Америки. Так, на севере Испании предпочтение отдается суффиксам – *apo*, – *ino*, – *és*, в южных провинциях продуктивны суффиксы – *eño*, – *ero*; – (i)ero распространен в Кантабрии⁵⁶ и пр. Следовательно, одной из причин отсутствия унификации в системе испанского словообразования является сохранившаяся диалектальная раздробленность языка.

Любопытно, что при общей непродуктивности испанских относительных прилагательных в языке встречается немалое количество параллельных производных от одной основы, включающих редкие, а иногда даже единичные суффиксы. Подобные образования (среди них встречаются и латинизмы) дифференцируются между собой по кругу сочетаемости с определяемым: ср. *resguardo terrestre*, *transporte terrestre*, *la superficie terrestre*, *paraíso terrenal*, *hombre terrenal*. Есть прилагательные, которые приняты лишь в одном—двух соединениях. Например, *terráqueo* 'земной' комбинируется только с существительными *globo* 'шар' и *esfera*, образуя устойчивые словосочетания.

Этот пример свидетельствует о том, что обилие аффиксальных элементов, обладающих сходной функцией, не всегда является признаком продуктивности словопроизводства в рамках данной лексической категории.

Значения, свойственные словообразовательному типу, могут выражать и синтаксические конструкции, дублирующие содержание слова. Так, наряду со сложными прилагательными типа *manilargo* употребляются перифрастические сочетания, такие как *largo de manos*, *de manos largas*, *con las manos largas*. Относительные прилагательные функционируют параллельно сочетаниям *de + существительное*. Ср. *la labor propagandística = la labor de propaganda*; *la lógica aristotélica = la lógica de Aristóteles*, *las balas civiles = las balas de los civiles*, *la sociedad estudiantil = la sociedad de los estudiantes*.

Рост или падение активности моделей, синонимичных словосочетаниям, могут свидетельствовать о сдвиге во всем грамматическом строе языка, о перераспределении его концептуального содержания между синтаксисом и словообразованием (лексикой). Ср. разрушение аффиктивного словообразования в английском и французском языках.⁵⁷

Иногда значение, характеризующее элемент словообразования, может быть выражено также самостоятельным словом, т. е. средством лексики языка. Это прежде всего относится к суффиксам субъективной оценки, ср. *una mesita = una mesa pequeña*, *grandote = muy grande*, *mujercita = una mujer pequeña*, *mujerona = una mujer grande*, *mujeronaza = una mujer enorme*, etc.

Итак, количественная продуктивность словообразовательных типов зависит от собственно языковых факторов, а также от развития понятийного содержания лексики. Абсолютно и неограниченно продуктивными должны быть, по—видимому, признаны те модели, действие которых не наталкивается на препятствия лингвистического порядка. Строение таких моделей гармонирует с грамматическим и фонетическим строем языка и закономерностями развития его лексики. По продуктивным моделям испанские слова создаются по мере необходимости в процессе речевого общения почти с такой же легкостью и свободой, с которой конструируются словосочетания и парадигматические формы слова.

Подведем некоторые итоги. Построение синхронной системы словообразования невозможно без предварительного анализа активности моделей. Последний производится при

⁵⁵ [Lenz 1935: 185].

⁵⁶ Подробнее см. [Sachs 1934: 393–399].

⁵⁷ Ср., например, [Dauzat 1955].

помощи различных приемов исследования, выбор которых обусловлен значением и структурой модели, условиями ее функционирования, ее языковым окружением. Изучая модели, обслуживающие замкнутые лексические категории, мы обращаем внимание на структуру слов, относящихся к данному разряду. Если словообразование опирается на четко определенную, поддающуюся учету производящую базу, полезно сопоставить число производных с количеством производящих основ. При наличии синонимических типов словообразования важно выяснить не только сам факт активности моделей, но и их сравнительную продуктивность. Последняя определяется количеством неологизмов и их общеупотребительностью. В этом случае полезно использовать при изучении синхронного состояния языка факты его недавней истории. Если параллельно с моделью словообразования применяются синтаксические конструкции или лексические средства выражения данного значения, существенно принимать во внимание не только сам факт создания неологизмов, но и их распространенность по сравнению с описательными оборотами. Сведения о степени употребительности важны и тогда, когда в языке существуют словообразовательные синонимы или варианты слова. Анализируя причины роста или падения продуктивности модели, следует обращать внимание на те средства выражения, которые принимают соответствующее языковое значение, либо, наоборот, постепенно его утрачивают.

Литература

- Арутюнова 1959 – Н. Д. Арутюнова. Статьи Марчанда по теории синхронного словообразования // ВЯ. 1959. № 2. С. 127–131.
- Винокур 1946 – Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. V. Вып. 4.
- Глисон 1959 – Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику: Пер. с англ. М., 1959.
- Косерю 1963 – Э. Косерю. Синхрония, диахрония и история // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Смирницкий 1948 – А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филол. факта МГУ. Вып. 5. М., 1948.
- Balufér 1920 – J. Alemany Bálufér. Tratado de la formación de palabras en la lengua castellana. Madrid, 1920.
- Bloch, Trager 1942 – В. ВЪоИ, G. Jrager. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1942.
- Bloomfield 1933 – L. Bloomfield. Language. New York, 1933.
- Bolinger 1948 – D. L. Bolinger. On defining the morpheme // Word. 1948. Vol. 4. № 1.
- Brunot 1953 – F. Brunot. La pensée et la langue. 3 éd. Paris, 1953.
- Bustos 1986 – Bustos Gisbert E. La composición nominal en español. Salamanca, 1986.
- Camproux 1951 – Ch. Camproux. Déficience et vitalité de la derivation // Le franjais moderne. 1951. № 3. Coseriu 1952 – E. Coseriu. Sistema, norma y habla. Montevideo, 1952. Dauzat 1931 – A. Dauzat. Tableau de la langue franjaise. Paris, 1931. Dauzat 1955 – A. Dauzat. Les diminutifs en franjais moderne // Le franjais moderne. 1955. № 1. Gleason 1956 – H. A. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics. New York, 1956.
- Gramatica 2000 – RAE. Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 1999; 2000.
- Greenberg 1957 – J. H. Greenberg. Essays in linguistics. New York, 1957. Harris 1942 – Z. Harris. Morpheme alternants in linguistic analysis // Language. 1942. Vol. 18. № 3. Harris 1946 – Z. Harris. From morpheme to utterance // Language. 1946. Vol. 22. № 3.
- Harris 1951 – Z. Harris. Methods in Structural Linguistics. Chicago, 1951. Harwood, Wright 1956 – F. W. Harwood, A. M. Wright. Statistical studies of English word—formation // Language. 1956. Vol. 32. № 2. Hockett 1947 – Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis // Language. 1947. Vol. 23. № 4.
- Hockett 1957 – Ch. F. Hockett. Idiom formation. «For Roman Jakobson». The Hague, 1957.
- Householder 1952 – F. Householder. [Рец. на кн.:] Zellig S. Harris. Methods in Structural Linguistics. Chicago, 1951 // International Journal of American Linguistics. 1952. Vol. 18. № 4.
- Lenz 1935 – R. Lenz. Oración y sus partes. Madrid, 1935.
- Marchand 1951a – H. Marchand. Esquisse d'une description des principales al-ternances derivatives dans le fra^ais d'aujourd'hui // Studia lingüistica. 1951. Vol. 5. № 2.
- Marchand 1951b – H. Marchand. Phonology, morphology and word—formation // Neuphilologische Mitteilungen. 1951. Vol. LII. № 3–4. Marchand 1953 – H. Marchand. The question of derivative relevancy and the prefix *s*— in Italian // Studia linguistica. 1953. Vol. VII. № 2.
- Marchand 1954a – H. Marchand. Notes on English prefixation // Neuphilolo—gische Mitteilungen. 1954. Vol. LV. № 7–8. Marchand 1954b – H. Marchand. Über zwei Prinzipien der Wortableitung in ihrer Anwendung auf das Französische und Englische // Archiv für das Studium der neueren Sprachen. 1954. Bd. 190. Hft 3. Marchand 1955a – H. Marchand. Notes on nominal compounds in present—day English // Word. 1955. Vol. 11. № 2. Marchand 1955b – H. Marchand. Synchronic analysis and word—formation //

Cahiers Ferdinand de Saussure. 1955. № 13. Marchand 1956 – *H. Marchand*. Compounds with locative particles as first elements in present—day English // *Word*. 1956. Vol. 12. № 3. Marchand 1957a – *H. Marchand*. Motivation by linguistic form // *Studia neo-philologica*. 1957. Vol. XXIV. № 1. Marchand 1957b – *H. Marchand*. Compound and pseudo—compound verbs in present—day English // *American Speech*. 1957. Vol. 32. № 2. Marouzeau 1951 – *J. Marouzeau*. Les déficiences de la dérivation française //

Le français moderne. 1951. № 1. Marouzeau 1955 – *J. Marouzeau*. Notre langue. Paris, 1955. Murphy 1950 – *S. Murphy*. A Description of Noun Suffixes in Colloquial

Mexican Spanish. Illinois Univ., 1950. Murphy 1954 – *S. Murphy*. A description of noun suffixes in colloquial Spanish //

Descriptive Studies in Spanish Grammar. Urbana, 1954. Newman 1948 – *S. Newman*. English suffixation: a descriptive approach //

Word. 1948. Vol. 4. № 4. Nida 1946 – *E. Nida*. Morphology: The Descriptive Analysis of Words. Univ. of

Michigan Press, 1946. Nida 1948a – *E. Nida*. The analysis of grammatical constituents // *Language*. 1948. Vol. 24. № 2.

Nida 1948b – *E. Nida*. The identification of morphemes // *Language*. 1948. Vol. 24. № 4.

Pichon 1942 – *E. Pichon*. Les principes de la suffixation en français. Paris, 1942.

Pike 1954 – *K. L. Pike*. *Language*. Vol. I. California, 1954.

RAE 1956 – Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. Vol. 18. Madrid, 1956.

RAE. Esbozo 1973 – Real Academia Española. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid, 1973. Sachs 1934 – *Sachs*. La formación de los gentilicios en español // *Revista de la filología española*. 1934. Vol. XXI. Togeby 1951 – *K. Togeby*. Structure immanente de la langue française. Copenhagen, 1951.

Thorndike, Lorge 1944 – *E. L. Thorndike, I. Lorge*. The Teacher's Word—Book of 30 000 Words. New York, 1944.

Voegelin 1947 – *C. F. Voegelin*. A problem in morpheme alternants and their distribution // *Language*. 1947. Vol. 23. № 3.

Сокращения источников

Arraiz – A. *Arraiz*. Dámaso Velázquez. Caracas, 1944. Unamuno – M. *de Unamuno*. San Manuel Bueno, mártir y tres historias más. Buenos Aires, 1945.

Глава II

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ^{2}

Важным аспектом синтаксиса является изучение и описание сочетаемости слов, т. е. тех отношений, которые Ф. де Соссюр называл синтагматическими, или линейными, а американская дескриптивная школа – дистрибутивными, причем под дистрибуцией понималась сумма всех возможных позиций языкового элемента (для синтаксиса – морфемы). Дистрибуция была положена дескриптивистами и в основу классификации морфем, позволив им внести ряд уточнений в выделение морфемных классов и подклассов.

Параллельно с дескриптивистами большое внимание сочетаемости слов уделяли и другие языковеды. Так, почти вся книга Люсьена Теньера «Основы структурного синтаксиса» посвящена анализу синтаксических связей между словами. Л. Теньер пишет, что «понятие связи (соединен) лежит в основе всего структурного синтаксиса. Поэтому трудно переоценить важность этого понятия».⁵⁸ Изучение синтаксической сочетаемости слов было предпринято Л. Теньером в целях наибольшего проникновения в строй предложения и в меньшей степени связано с классификацией слов. Имеется также большое количество работ, в которых исследуются методы выявления синтаксических отношений между словами в рамках программ для автоматического перевода.⁵⁹

⁵⁸ [Tesniere 1959: 12].

⁵⁹ [Ревзин 1961; Волоцкая 1961 и др.].

I

Исследование синтагматических отношений между словами отличается от анализа словосочетаний. Последние образуют лишь замкнутые конструкции. Связь между членами словосочетания обусловлена и выражена признаками, заключенными в нем самом, и не зависит от общего строя и формы предложения, а также его интонационного рисунка. Интонация, следовательно, не является существенным признаком словосочетания. Напротив, изучение синтаксических связей должно охватывать все возможные случаи соединения слов в предложении, многие из которых оказываются обусловленными более широким синтаксическим контекстом, т. е. признаками, лежащими за пределами данной пары слов. Поэтому, анализируя нормы сочетаемости слов, следует установить не только сам факт возможности того или иного соединения, но и необходимые и достаточные условия его реализации в предложении. Эти условия и будут существенными, постоянными признаками данной синтаксической структуры.

В качестве иллюстрации сказанного выше сравним следующие два сочетания: *las orejas gachas* (букв. 'уши опущенные', означает 'опущенные уши') и *gachas las orejas* (букв. 'опущенные уши', означает 'опустив уши, с опущенными ушами'). Конструкция *las orejas gachas*, образующая словосочетание, не нуждается в более развернутом синтаксическом контексте для анализа своей формы. Она мыслима также в отвлечении от определенной интонации. Напротив, сочетание *gachas las orejas* возможно только при наличии некоторых дополнительных, условий. К их числу принадлежит интонационное оформление, ставящее сильный акцент на атрибут (*gachas*) и выделяющего все сочетание, а также отнесенность всего сочетания к субъектно—предикатной паре. Ср. ...*ensillé chiflando mi petizo que dormitaba, gachas las orejas, resoplando a intervalos con disgusto* (Sombra, 74) ...насвистывая, я оседлал мою лошадку, которая дремала, опустив уши и временами недовольно фыркая'.

Конструкции, подобные приведенной, как бы наделены способностью «предсказывать» отдельные черты того синтаксического контекста, в который они включены. Словосочетания этой способностью не обладают. В теорию словосочетаний входит анализ лишь тех синтаксических отношений, которые обусловлены признаками, заключенными в паре связанных между собой слов. Поэтому многие словесные связи, весьма существенные для структуры предложения, не попадают в сферу теории словосочетания. К их числу относятся, например, конструкции с обособленными определениями, форма которых немыслима в отрыве от интонации, определительные сочетания с личными местоимениями и др. Мы уже не говорим о всякого рода предикативных отношениях, которые принципиально исключаются из теории словосочетаний и относятся к теории предложения. Очевидно, таким образом, что далеко не все связи, участвующие в построении предложения, создают словосочетания. Следовательно, предложение не может быть без остатка разделено на словосочетания. Если видеть в словосочетаниях лишь бинарные конструкции, то членение предложения на словосочетания приведет к выделению ряда частично перекрывающихся друг друга отрезков, что не свойственно другим единицам языка, таким, как фонема, морфема, слово, предложение. Для всех этих единиц характерно, что отрезки речи, анализируемые на разных лингвистических уровнях, членятся на них полностью и без остатка. Словосочетание не может быть поставлено в один ряд с другими единицами языка, поскольку в противном случае само понятие основной лингвистической единицы утратило бы четкость. Поэтому едва ли можно видеть в словосочетании простейшую единицу синтаксиса. Изучение словосочетаний как особой грамматической категории имеет основание лишь постольку, поскольку оно выделяет особый способ синтаксической связи, непредикативной, не обусловленной определенной интонацией и образующей замкнутую конструкцию.

II

Способность слова сочетаться с другими словами принято называть его синтаксической валентностью, хотя само это понятие не получило однозначного определения. С. Д. Кацнельсон, впервые применивший этот термин в отечественном языкознании, назвал валентностью «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами».⁶⁰ Б. М. Лейкина считала целесообразным расширить понятие валентности, применив его к сочетаемости других единиц языка (фонем, морфем, конфигураций и пр.).⁶¹ Т. П. Ломтев полагал, что предикативные отношения в предложении складываются на основе каких—то других, не валентных, свойств слова. Валентность, следовательно, по мнению Т. П. Ломтева, это только свойство слова образовывать сочетания непредикативного характера. Нам представляется целесообразным называть валентными такие свойства сочетаемости слова, которые зависят от его принадлежности к определенному лексико—грамматическому разряду (классу или подклассу). С этой точки зрения на основе валентных свойств слова могут возникать как предикативные, так и непредикативные отношения. Сочетаемость глагола в личной форме с подлежащим (*я пришел, человек работает*) является реализацией субъектной валентности глагола, поскольку зависит от класса, к которому принадлежит управляющее слово (т. е. глагол в личной форме). Изменение класса (например, постановка глагола в инфинитиве или переключение его в разряд отглагольных имен) влияет на нормы сочетаемости с субъектом действия (ср. *мне работать, моя работа* или *человеку работать, работа человека*). При этом сочетаемость с субъектом не создает словосочетаний в случаях, когда субъект выражен дат. падежом. Этот способ соединения слов не является реализацией субъектной валентности глагола. Как только в сочетаемость слов в предложении вовлекаются предикативные отношения, конструкция не образует слово.

Таким образом соединение слов в предложении и словосочетании следует разным правилам. Это очень заметно в испанском синтаксисе, в котором в предикативные отношения вовлечены неличные формы глагола. В испанском языке способность сочетаться с прямым падежом субъекта свойственна не только глаголу в личной форме, но также инфинитиву и герундию, объединяя все три формы в один дистрибутивный класс. Ср., *yo trabajo* 'я работаю', *trabajar* *yo* 'работать я', *trabajando* *yo* 'работая я'. Отглагольному имени, однако, подобная сочетаемость уже не свойственна. Ср. *mi trabajo* 'моя работа'. В английском языке с прямым падежом соединяется только глагол в личной форме, субъект действия при герундии оформляется, так же как при отглагольном существительном, притяжательным местоимением или посессивным падежом имени (*my working, John's working*), а инфинитив совсем лишен субъектной валентности. Способность глагольных форм соединяться с субъектом действия различна в разных языках, но везде она определяется тем разрядом, к которому принадлежит опорное слово.

⁶⁰ [Кацнельсон 1948: 132].

⁶¹ [Лейкина 1961]. В этой статье содержится подробный анализ разных типов валентностей, свойственных единицам языка.

III

К числу тех вопросов, которые возникают при изучении комбинаторных свойств слова, относится проблема занятости синтаксической валентности.

Синтаксические валентности слова неоднородны, что обусловлено отчасти формой выражения отношений между словами. Рассмотрим в качестве иллюстрации валентные свойства глагола в испанском языке. Глагол, как известно, обладает рядом валентностей,⁶² из которых мы остановимся на трех основных. Первая из них дает глаголу возможность соединяться с подлежащим, две другие – с прямым и косвенным дополнениями. Принципиально разный характер этих валентностей проявляется в случае их незанятости.

Отнесенность глагола к субъекту действия в испанском языке выражена в самой морфологической форме глагола, поэтому подлежащее, особенно в первом и втором лицах, очень часто опускается. Вполне понятно, что в этих лицах субъект действия может быть выражен только местоимениями, указание на которые всегда содержится в глагольной флексии. В третьих лицах подлежащее может быть выражено не только местоимениями, но и существительными (и их субститутами). В этом случае оно легко опускается. Однако эллипс подлежащего не может быть основанием для того, чтобы считать «субъектную» валентность глагола незамещенной, поскольку форма глагола всегда указывает на отнесенность к субъекту и на характер последнего. Об этом, между прочим, свидетельствует и тот факт, что опущенное подлежащее может иметь в испанском языке определения в морфологически согласованной форме: Ср.: *Inmóvil miré alejarse... aquella silueta de caballo y jinete* (Sombra, 26) 'Неподвижный, я смотрел как удаляется. силуэт лошади и всадника'.

В безличных и неопределенно—личных предложениях отсутствие подлежащего целесообразней всего расценивать как своего рода нулевой субъект, поскольку субъектная валентность глагола в данных условиях замещена быть не может. Не следует, по—видимому, рассматривать безличные глаголы как лишённые субъектной валентности. В этом последнем случае трудно было бы объяснить личную форму глагола, поставленного в третьем лице единственного числа; ср. *amanese, hace frío, llueve* 'рассветает', 'холодно', 'идет дождь'. Субъект безличного глагола и сочетаний, содержащих безличный глагол (типа *empieza a amanecer* 'начинает рассветать', *comenzó a llover* 'пошел дождь'), не может быть конкретизирован по семантическим причинам, поэтому он и не выражается именем, однако он мыслится как обладающий грамматическими категориями лица и числа.

В неопределенно—личных предложениях отсутствие субъекта несет некоторую смысловую нагрузку, и хотя нет причин говорить об эллипсе подлежащего, нельзя в то же время считать субъектную валентность глагола незамещенной, поскольку она не может быть занята ни местоимением, ни именем.

Иначе обстоит дело в испанском языке с п р я м ы м д о п о л н е – н и е м переходного глагола. Его объект всегда присутствует в предложении, местоимение появляется даже в тех случаях, когда оно не соотносится ни с каким конкретным именем. Ср. *que lo pase bien* 'пусть все будет хорошо'; 'всего хорошего'. Если при переходном глаголе отсутствует дополнение, это свидетельствует лишь об утрате им объектной валентности, о наличии в языке двух лексико—син—таксических вариантов данного глагола, ср. *saber leer* 'уметь читать' и *leer un libro* 'читать книгу'. Объектная валентность переходного глагола, следовательно, не бывает незанятой, при-

⁶² Под одной валентностью подразумевается свойство слова сочетаться либо с членами одного определенного класса слов, либо со словами, принадлежащими к разным классам, при условии, если они находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. замещение валентности словом одного класса исключает одновременное замещение ее словом, принадлежащим к другому классу. Так, сочетаемость глагола с инфинитивом лишает его возможности соединяться с прямым дополнением. Ср. *хочу есть* и *хочу пирога*.

чем невозможен также эллипс прямого дополнения. Это положение распространяется и на косвенно—переходные глаголы типа *apoderarse de* 'захватить что—либо', 'завладеть чем—либо'.

Наконец, отношения глагола с прочими дополнениями, в том числе с дополнением дательного падежа, носят иной характер. Косвенное дополнение может отсутствовать в предложении. Его отсутствие однако не является эллипсом, а свидетельствует о том, что соответствующая валентность глагола остается свободной, незамещенной, ср. *Lo dijo Juan* 'сказал Хуан' и *Me lo dijo Juan* 'Мне сказал это Хуан'.

Подобный характер валентностей глагола специфичен именно для испанского языка и зависит от особенностей его грамматического строя. В других языках валентные свойства глагола могут быть принципиально иными. Так, например, во французском языке субъектная валентность глагола всегда занята выраженным подлежащим. Эллипс последнего, равно как и его нулевая форма, в нем невозможны. В русском языке, напротив, допустим эллипс не только подлежащего, но и дополнений, как прямого, так и косвенного.

IV

Выше было сказано, что валентными можно считать лишь такие свойства слова, которые определяются его принадлежностью к тому или иному классу и изменяются при изменении класса лексемы; ср. *человек вернулся, человеку вернуться, возвращение человека, возвращающийся человек*. Однако контакты, существующие между словами в предложении, далеко не всегда возникают в результате реализации их валентных свойств. Нередко сочетаемость слова определяется не его принадлежностью к тому или другому разряду, а его функцией в предложении. Иначе говоря, следует различать с и н– таксическую валентность, присущую частям речи, и сочетаемость, характерную для членов предложения. Эту последнюю можно было бы назвать п о з и ц и о н н о й. Наличие позиционной сочетаемости говорит о том, что дистрибутивные признаки далеко не во всех случаях могут служить критерием для распределения слов по классам и подклассам.

Возникновение особых норм сочетаемости, находящихся в прямой зависимости от позиции слова в предложении, нередко обусловлено явлением эллипса элемента—посредника. Поэтому для правильного синтаксического анализа языка немаловажным является решение проблемы эллипса структурного элемента, приводящего к контакту слов, в других условиях между собой не соединяющихся.⁶³ Не всегда легко провести границу между закономерным и эллиптическим отсутствием структурного звена. Не ясно, например, как следует расценивать синтаксические связи в таких русских предложениях, как *Кто куда, а я в сберкассе* или *Кто кого, ты его или он тебя?* Правомерно ли устанавливать непосредственную синтаксическую связь между подлежащим и обстоятельством места или дополнением, играющими роль предикатива? По—видимому, если подходить к эллипсу с лингвистических, а не логических позиций, то правильней говорить не об эллипсе структурного элемента, а о возможности его замены интонационными средствами выражения, об интонационном субституте. Строго говоря, эллипс можно усматривать лишь в тех случаях, когда опущенный элемент употреблен в более или менее широком контексте и может однозначно восстанавливаться в речи, т. е. когда опускается звено лексической, а не грамматической структуры предложения. Поэтому в приведенных и других подобных примерах правильней видеть непосредственную связь между подлежащим и предикативом, выраженную не морфологическими, а фонетическими (интонационными) средствами языка и, следовательно, не существующую вне данного интонационного оформления. Такого рода обусловленность может, однако, быть не только интонационной, но и конструктивной. Например, в испанском языке эллипс герундия связочного глагола в абсолютных оборотах привел к установлению непосредственной связи между подлежащим и предикативом, совершенно независимо от их морфологического выражения. Возможности подобных соединений, однако, ограничены лишь рамками данного синтаксического построения, ср. *Tú allá, quizá sea más fácil para mí arrancar (Selva, 120)*, букв. 'Ты там (если ты там будешь, когда ты там будешь), возможно, мне будет легче сдвинуться с места', а также *Que así las cosas, al siguiente día la hubiesen dejado en paz con los crespos y los cuentos (Memorias, 47)*, букв. 'Так дела (если бы дело приняло такой оборот), на следующий же день ее бы оставили в покое и не приставали бы с локонами и сказками'.

Контакт между личным местоимением и наречием места в первом предложении и между существительным и наречием образа действия во втором устанавливается не в результате реализации валентности данных частей речи. Морфологическая форма элементов сочетаний в

⁶³ Об эллиптических (абсолютных) конструкциях см.: RAE. *Eslozo de la nueva gramática de la lengua española*. Espasa—Calpe. Madrid, 1973. P. 483—499. См. также примеры в кн.: Арутюнова Н. Д. Трудности перевода с испанского языка на русский. 2-е изд. М., 2004. С. 98—104.

этом случае безразлична для их сочетаемости. Важна лишь их синтаксическая функция в предложении. Необходимой и достаточной предпосылкой для осуществления подобного синтаксического сцепления является примыкание к полному предложению. Сама по себе, вне данного синтаксического контекста, эта связь немыслима, в отрыве от главного предложения она распадается. Такого рода синтаксические связи, выражающие неполное предикативное предложение (т. е. предикативное предложение, не образующее самостоятельного предложения), структурно обусловлены внешними по отношению к ним элементами, они не создают ни словосочетания, ни предложения. Следует еще раз подчеркнуть, что подобная сочетаемость возникла в результате эллипса связочного глагола, но существует теперь как факт синхронной системы испанского языка, и контакт между элементами конструкции является вполне закономерным. В конечном счете эллипс приводит к созданию новых типов сочетаемости, отличных от норм соединения частей речи.

Факты, подобные отмеченному выше, в испанском языке не единичны. Эллипс подлежащего и связки в некоторых типах придаточных предложений ставит в непосредственный контакт союзное слово и предикатив. Ср. *cuando en la escuela...* 'когда (он был) в школе...', *cuando niño...* 'когда (он был) ребенком...', *donde tú...* 'там где (находишься) ты...'.

Опущение инфинитива перед именным предикативом создало особый тип предложных сочетаний, ср. *...vido que rostriguemados bastaban para testigos del milagro...* (Lazarillo, 117) ... **oh** увидел, что людей с обожженными лицами было достаточно, чтобы засвидетельствовать это чудо..

Предлог в таких конструкциях сближается по своей функции с союзом. Напр., *Desde niño había sido muy infeliz* (H. Arena), *Ya de niños se les iban las manos tras los objetos ajenos* (R. Nieto).

Поскольку в русском языке союз и предлог функционально не столь близки, при переводе обычно приходится развертывать абсолютный оборот в придаточное предложение, либо заменять предикат (обычно прилагательное) именем существительным: *Si entonces no dormía por robre, ahora no podía sosegar de rico* (M. Cervantes) 'Если раньше ему не давала спать бедность, то теперь его беспокоило богатство', *¿No ha oído decir que más sabe el diablo por viejo que por diablo?* (R. Gallegos) 'Вам не приходилось слышать, что дьявол мудр от того, что он стар, а не от того, что он дьявол?'.

Сочетание существительного с предлогом, казалось бы, является общей нормой испанского синтаксиса. Однако своеобразие построений, о которых сейчас идет речь, заключается в предикативной отнесенности имени к подлежащему всего предложения. Слово *testigos* 'свидетели' не просто присоединяется к глаголу при помощи предлога, но находится в предикативном отношении к *rostri—quemados* 'люди с обожженными лицами'. Этим объясняется отсутствие артикля перед *testigos*. Эллипс связочного глагола создал возможность вводить предикативное определение при помощи предлога: *para (ser) testigos*. Однако такой тип сочетаемости возможен только в положительной форме. При наличии отрицания тяготеющего всегда к глаголу, эллипс связки не происходит. Полный параллелизм позитивных и негативных форм оказывается нарушенным, и двум формам положительным (со связочным глаголом и без него) соответствует одна, полная, форма отрицательная: *para no ser testigos del milagro*.

Опущение инфинитива связочного глагола не только расширило сочетаемость определенных членов предложения, но и раздвинуло диапазон функционирования частей речи, дав возможность прилагательному присоединяться к другим словам (глаголу, прилагательному) при помощи предлога. Ср. *Me dejé estar, ensillando el bayo que elegí por más corajudo y duro para el trabajo* (Sombra, 211) 'Я продолжал седлать буланого, которого выбрал за то что он был смел и вынослив в работе' (букв. 'за более смелого и выносливого в работе'). В приведенном предложении глагол—связка может быть введен как посредник между предлогом и прилагательным (...que elegí **por ser** más corajudo y duro). Во многих же других случаях это оказывается невозможным, ср. *Díle que lo olvido todo porque le conocí de pequeño* (Catedral, 209);... y tomando

una cucharita la llevó a la boca y la probó con la punta de la lengua, a ver si estaba *buena de dulce* (Selva, 130).

В сочетаниях *conocí de requeño* 'знал его маленького' (букв. 'знал его с малых лет') и *buena de dulce* 'достаточно сладкий' (букв. 'хороший по сладкому') связочный глагол введен быть не может. Таким образом, эллипс инфинитива вызвал в данном случае расширение сферы функционирования прилагательных, которая распространилась за пределы эллиптических конструкций, и сочетаемость с предлогом стала общим синтаксическим свойством данной части речи, его валентностью.

Влияние функции слова в предложении на его синтаксическую сочетаемость является разным в разных языках и, по—видимому, зависит от степени развитости их морфологии. Вероятно, можно было бы утверждать, что в одних языках способность к сочетаемости есть свойство по преимуществу членов предложения, в то время как в других языках оно определяется главным образом принадлежностью слова к той или другой части речи, т. е. его валентностью. К этому последнему типу относятся и романские языки. Однако полное описание структуры предложения в отрыве от анализа синтаксических функций слова оказывается невозможным и в языках этой группы.

V

Важным аспектом синтаксиса, наряду с изучением синтаксической валентности отдельных слов, является анализ свойств сочетаемости эквивалентов слов. Под эквивалентами слов мы подразумеваем конструкции, обладающие семантической целостностью и функционирующие как самостоятельные синтаксические единицы. Чтобы сделать более ясным сформулированное положение, разберем следующее предложение: *Nunca nadie me había mirado tan de frente y tan por partes* (Sombra, 307) 'Никогда никто не разглядывал меня так прямо и так детально' (букв. 'так по частям'). В нем обнаруживается последовательность, состоящая из наречия степени качества, предлога и существительного (*tan de frente, tan por partes*). Однако подобные построения не вскрывают особой валентности занятых в них частей речи. Сочетания *de frente* и *por partes* являются закономерными синтаксическими эквивалентами наречий, принявшими на себя валентность последних. Предлог здесь не служит средством связи наречия и существительного, т. е. не выражает форму зависимости имени от управляющего слова, а входит в структуру наречного предложения, определяемого как нечто целое наречием степени качества (*tan*). Это подтверждается тем, что эквиваленты наречий нередко присоединяются к глаголу при помощи еще одного предлога, выражающего форму их зависимости от другого слова (глагола или существительного), ср. *siete hombres de a pie* (Sombra, 273) 'семеро пеших', *arrancar de a pellizcos* (Там же, 188) 'выщипать', *de a una pasaron bajo mi curiosidad* (Там же, 125) 'они прошли по одному перед моим любопытным взглядом'. В предложении *Y se alborotó la gente de a de veras* 'взбунтовался народ по—настоящему' имеется скопление трех предлогов, свидетельствующее о постепенном поглощении их полнозначным словом. Часть предлогов в этом случае утрачивает способность выражать форму подчинения по отношению к другому внешнему элементу.

Рассмотрим еще два предложения: *Di vuelta al tirador* (Sombra, 270) 'повертел кошелек' и *El caballo se me caía golpeando de atrás y lo dí vuelta tan ligero como pude* (Там же, 127) 'Лошадь у меня падала назад, и я как мог легонько повернул ее'. В них как бы обнаруживаются два прямых дополнения к глаголу *dar*: *vuelta* и *el tirador* – в первом предложении, *vuelta* и *lo* – во втором. Это противоречит общей норме сочетаемости глагола в испанском языке, обладающего лишь одной валентностью, рассчитанной на прямое дополнение. На самом деле в приведенных предложениях употреблен эквивалент глагола *volver* – *dar vuelta*, состоящий из глагола и имени действия. Этот эквивалент перенял способность глагола управлять прямым дополнением и функционирует как одно целое.

Синтаксические эквиваленты нередко возникают в условиях нормальной сочетаемости слов. Так, например, в конструкции *!a poesía de Ronsard* 'поэзия Ронсара' имеет место обычная форма подчинения одного существительного другому, выраженная предлогом. И хотя *de Ronsard* эквивалентно по значению прилагательному *ronsar—diano*, предлог *de* осуществляет здесь наряду с лексической еще и свою обычную синтаксическую функцию. Будучи семантическим эквивалентом прилагательного, сочетание *de Ronsard* может обособляться, становясь его синтаксическим эквивалентом и приобретая его валентность. Постепенно оно переходит и в другие синтаксические позиции прилагательного; например, в позицию предикатива (*es de Ronsard*), позицию после наречия степени качества (*muy de Ronsard*).

Функционирование синтаксических эквивалентов слова определяется, с одной стороны, валентностью того класса слов, значение которого они передают, с другой стороны, оно зависит и от валентности входящих в эквивалент частей речи. Преобладание того или другого влияния зависит от общей грамматической структуры языка. В языках со сравнительно слабо развитой морфологией синтаксические свойства эквивалентов слов определяются преимущественно характером той части речи, которую они замещают, что уже было проиллюстрировано

испанскими примерами. Теперь приведем пример обратного явления, показав, как синтаксическая валентность наречного предложения формируется под влиянием норм сочетаемости слов, обычно входящих в его состав. Большинство испанских эквивалентов наречий содержит существительное с предлогом. Ср. *en todas partes* 'всюду', *en ninguna parte* 'нигде', *en torno* 'вокруг' и пр. Существительное, входящее в их состав, может соединяться с притяжательным прилагательным (в постпозиции по преимуществу). Например, *en torno mío* 'вокруг меня', *a mi lado* или *al lado mío* 'рядом со мной'. Подобная сочетаемость распространяется и на другие наречия места, в состав которых не входит существительное. Ср. *detrás suyo* (Sombra, 77) 'сзади него', *detrás mío* (Там же, 88) 'сзади меня', *delante mío* (Там же, 12) 'передо мной', *delante suyo* (Там же, 151) 'перед ним', *cerca mío* (Там же, 95) 'близ меня', *cerca tuyo* (Там же, 232) 'близ тебя'. Особенно любопытен тот факт, что наречия места всегда воспринимаются как содержащие существительное мужского рода единственного числа, поскольку притяжательное прилагательное стоит именно в этой форме. Даже если в состав наречия входит существительное женского рода, слившееся с предлогом, притяжательное прилагательное, определяющее данное наречие, все равно ставится в форме мужского рода, ср., *encima nuestro* (Там же, 100) 'над нами'.

Выше было показано, что наречия места усвоили определенный тип сочетаемости, не свойственный им как части речи, потому лишь, что в состав многих наречных эквивалентов входит существительное. Эта дистрибутивная особенность могла бы послужить основанием для выделения их в особый подкласс.

Синтаксические свойства эквивалентов слов еще остаются недостаточно изученными. Для многих языков, особенно для языков аналитического строя может быть создан специальный синтаксис эквивалентов слов, дающий систематическое описание их сочетаемости.

Литература

Волоцкая 1961 – *З. М. Волоцкая*. Один из способов описания словосочетаний стандартизованного русского языка // Доклады конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 5. М., 1961 (АН СССР. Ин—т научной информации).

Кацнельсон 1948 – *С. Д. Кацнельсон*. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.

Леикина 1961 – *Б. М. Леикина*. Некоторые аспекты характеристики валентностей // Доклады конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 5. М., 1961 (АН СССР. Ин—т научной информации).

Ревзин 1961 – *И. И. Ревзин*. Установление синтаксических связей методом Айдукевича—Бар—Хиллела и в терминах конфигурационного анализа // Доклады конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 2. М., 1961 (АН СССР. Ин—т научной информации).

Tesniere 1959 – *L. Tesniere*. Elements de syntaxe structurale. Paris, 1959.

Сокращения источников

Cantaclaro – *Rómulo Gallegos*. Cantaclaro. 1er festival del libro popular venezolano. [Вып. 1].
Catedral – *V. Blasco Ibáñez*. La catedral. Valencia, s. d. Lazarillo – La vida de Lazarillo de Tonnes.
Madrid, 1936. Memorias – *Teresa de la Parra*. Memorias de Mamá Blanca. 1er festival del libro
popular venezolano. [Вып. 2]. Selva – *A. Palacios*. La selva y la fluvia. Moscú, 1958. Sombra –
Ricardo Giraldes. Don Segundo Sombra. Buenos Aires, 1926.

Глава III

О ФУНКЦИЯХ СУФФИКСОВ^[3]

Испанский язык изобилует суффиксами. Ни развитие в нем синтаксических способов номинации – аналитических форм слова, перифраз и перифразирования, ни склонность к созданию простых слов и к заимствованиям из арабского языка, из языков романо—герман—ских, а также из испанских и латиноамериканских диалектов с их аборигенной лексикой, ни даже чрезвычайная активность словосложения нисколько не ущемили в современном испанском языке прав суффиксации. Суффиксация не уступает своих позиций синтаксису. Синтаксис слишком логичен и недостаточно эмоционален. Слово иррационально, решительно и выразительно. Испанский язык предпочитает целостную номинацию расчлененной информации. В современном испанском языке насчитывается более ста суффиксов, включая варианты и этимологические дублеты. Однако до сих пор лингвисты не озаботились составлением словаря испанских аффиксов.

Чем можно объяснить присутствие в испанском языке столь богатого аффиксального фонда?

Можно думать, что одной из причин является особенность исторического развития испанского языка. В ходе его эволюции постоянно происходило умножение суффиксов, то есть возникали этимологические дублеты, каждый из которых мог получать индивидуальные семантические, эмоциональные и стилистические коннотации. Так, в разные эпохи суффиксы попадали в испанский язык в составе латинских заимствований – культизмов и семикультизмов, морфологическая структура которых вполне ясно ощущалась говорящими. Обилие заимствований в ту или другую эпоху, однако, не всегда оборачивалось продуктивностью соответствующей словообразовательной модели. Так, начиная с XV в., благодаря притоку культизмов, растет число слов с суффиксом – *tud*, который, однако, не дает новообразований. Большинство латинских суффиксов испанизировалось наследственным путем (*per via patrimonial*), то есть по мере изменения звукового и лексического состава испанского языка. Но и они допускали варьирование, в зависимости от своей принадлежности к тому или другому стилю речи.

Так, в испанском языке выстраивались ряды суффиксов, фиксирующих историческую последовательность развития фонетических форм и их значений. Возникали «родовые династии» слов, восходящих к общему источнику. Ср. лат. – *tate* и его варианты в современном языке: – *tad*, – *dad*, – *edad*, – *idad*. Подробное описание исторического развития испанских суффиксов см. [Dillet 1937–1998].

В предлагаемых ниже заметках ставится проблема смысловой структуры суффиксов. Разумеется, все суффиксы входят в арсенал технических средств словообразования и объединены общим для всех них назначением создания в языке новых слов. Это качество и отличает их от элементов формообразования. Однако в указанных пределах вскрывается сложный и запутанный механизм взаимодействия суффикса и производящей основы, наблюдаются самые различные случаи вхождения суффикса в словопроизводство, свидетельствующие о неоднородности функций, обслуживаемых суффиксами.

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что суффиксы выполняют две основные функции: смысловую (или модифицирующую) и классифицирующую. В. фон Вартбург, описывая, как к пикардскому *bollenc* 'булочник', включающему германский суффикс лица – *enc* < – *ing*, во французском языке был присоединен еще один агентивный суффикс – *ier* (ср. фр. *boulangier*), отмечает: «Во всех подобных случаях суффикс вводит слово в более круп-

ный морфологический разряд».⁶⁴ Особенно настойчиво подчеркивал эту мысль В. Брэндалль. Так, в небольшом этюде «Теория словопроизводства», включенном в его «Очерки по общей лингвистике», В. Брэндалль пишет: «Суффикс прибавляет к производящему слову и элемент значения, и классифицирующий формант».⁶⁵

Под классом, показателем которого является суффикс, автор понимает определенный разряд слов внутри той или иной части речи. «Terminus ad quem суффикса с точки зрения класса всегда есть подгруппа в пределах части речи и никогда не бывает целиком той или иной частью речи».⁶⁶

Создавая новое слово, суффикс вводит его в определенный лексико—грамматический класс. В этом, функциональном, плане каждый суффикс связан лишь с одной частью речи.⁶⁷ Понятно, что образовав новое слово, суффикс не выпадает из его состава, он продолжает жить в качестве его компонента. Он является одним из признаков классификации словарного состава по лексически и структурно однородным группам. В языках аналитического строя конверсия подрывает роль суффикса как показателя части речи. В этом морфологическом (статическом) плане классифицирующая функция суффикса подавляется действием бессуффиксальной деривации. Конверсия охватывает в первую очередь простые слова. Однако есть немало примеров конвертирования суффиксальных образований. Так, в английском языке легко адъективируется любое (даже абстрактное) существительное независимо от его морфологического состава. Итак, присоединение суффиксов всегда ведет к созданию слов определенной части речи. Однако само *n* и *l* и *ch* и *e* суффикса внутри слова в положении перед флексией для языков с развитой несобственной деривацией утрачивает свое классифицирующее значение. Несобственная деривация (см. о ней ниже) сводит на нет классифицирующую функцию суффикса как структурного элемента уже готового слова. Словообразующая и морфологическая роли суффиксов расходятся. Поэтому применительно к языкам, в которых активна несобственная деривация и отсутствует синкретизм суффикса и флексии, вряд ли можно считать классифицирующую функцию суффикса основной.

Рассмотрим действие словообразовательного механизма. Суффиксы могут не менять лексико—грамматического класса слова. Это, однако, не лишает их способности служить показателем части речи. Хотя *riño* и *riñetazo*, *muchacho* и *muchachada*, *riñal* и *riñalada* принадлежат к одной и той же части речи, суффиксы – *azo* и – *ada* связаны только с деривацией существительных. Если производящая основа принадлежит иной части речи сравнительно с образуемым словом, роль суффикса оказывается более динамичной. Он осуществляет то, что Ш. Балли, а вслед за ним и другие ученые его школы, например А. Сеше и А. Фрей, называли функциональной транспозицией, т. е. перевод слова из одного лексико—грамматического класса в другой. Суффиксы этого типа определяют иногда как гетерогенные, в противоположность гомогенным суффиксам, не меняющим категории слова.⁶⁸ С точки зрения техники дескриптивного исследования транспонирующая функция суффиксов внешне выявляется в том, что ведет к изменению окружения (дистрибуции) слова.⁶⁹

В ряде случаев транспозиция составляет основное и даже единственное содержание суффиксов. Так, роль суффикса – *mente* сводится к передвижению прилагательных в категорию наречий. Этим, по—видимому, и следует объяснить отсутствие у – *mente* суффиксов—синонимов. Такой элемент, как – *guisa*, конкурировавший с ним одно время, не удержался в языке в

⁶⁴ [Wartburg 1943: 80].

⁶⁵ [Bröndal 1943: 125]. Ср. также [Богородицкий 1935: 137; Левковская 1955: 310].

⁶⁶ [Bröndal 1943: 125].

⁶⁷ В испанском языке исключение составляют лишь суффиксы *nomina agentis* и *instrumenti*, участвующие также в образовании прилагательных.

⁶⁸ См., например [Togeby 1951: 225].

⁶⁹ См. [Harris 1946].

силу своего функционально—стилистического совпадения с – *mente*. Сравнительная простота смысловой структуры этого суффикса определяется спецификой семантического соотношения прилагательных и качественных наречий. Оба эти разряда слов выражают признак, отличаясь друг от друга лишь его отнесенностью – к предмету, либо действию или качеству. Разницу в этой отнесенности и выражает – *mente*.

Естественно, что функциональная транспозиция связана не только с грамматическим, но и с семантическим сдвигом, поскольку она направлена на создание в языке нового слова. Смысловое преобразование, сопровождающее транспозицию, зависит в большой степени от семантической корреляции соответствующих частей речи. Мы рассмотрели наиболее простой случай соотношения прилагательных и наречий. Обратимся к другим, более сложным примерам.

Многие суффиксы прилагательных, например, – *al*, – *il*, – *ero*, – *ico*, – *ario*, – *ar*, – *ano*, – *ino*, – *iego*, – *ista* также выполняют транспонирующую функцию, переводя основу существительного в класс относительных прилагательных. Семантическое ядро слова при этом не переживает коренной ломки, происходит лишь трансформация его грамматических категорий и синтаксической сочетаемости. Ср. *estudiante universitario* – *estudiante de la universidad*, *sociedad estudiantil* – *sociedad de los estudiantes*, *canción lorquiana* – *canción de Lorca*, *arte mágico* – *arte de la magia*, *retórica ciceroniana* – *retórica de Cícero*.

Объем понятия, выражаемого существительным, совпадает с представлением, содержащимся в относительном прилагательном. Переход от производящего слова к производному развивается по прямой линии. Наличие же в языке ряда параллельных форм прилагательных, коррелирующих с одним существительным, связано с разного рода лексико—стилистическими факторами, такими, например, как лексические нормы сочетаемости с определяемым. Последнее нередко обуславливает выбор относительного прилагательного, его суффиксальное оформление. Бывают случаи, когда относительные прилагательные от одной основы дифференцированы лишь по кругу своей лексической сочетаемости. Так, например, прилагательное *terráqueo* 'земной' (от лат. *terraqueus* 'состоящий из земли и воды') встречается только в соединении со словом *globo* 'шар'. В одном из произведений М. Унамуно имеется по этому поводу любопытное наблюдение. Употребив необычное для испанского языка сочетание *la realidad terráquea* 'земная действительность', писатель так комментирует свой стилистический прием: «¿Terráquea? – удивится читатель. – Что это? Имеется некоторое количество имен существительных и прилагательных, которые надо освободить из заключения. Так, например, от слова *tierra* производятся прилагательные *terreo*, *terroso*, *terreno*, *terrenal*, *terrestre* и *terráqueo*, но употребление последнего ограничено лишь сочетанием с *globo* – *globo terráqueo*. Если мы соединим его с другим существительным, мы заставим читателя сосредоточить свое внимание на обоих. Это будет своего рода сигналом „стой!“, а может быть просто камнем преткновения, шокирующим читателя. Это выпуклое прилагательное, сходное с вогнутыми глаголами арабского языка» [Unamuno 1945: 14].

Избирательная сочетаемость относительных прилагательных обычно бывает фактом узуса и не обязательно вытекает из особенностей системы словообразования. Однако наличие устойчивых соединений существительных и прилагательных оказывает своего рода обратное воздействие на функционирование системы словообразования. Оно мешает выпадению из языка слов, созданных при помощи неактивных элементов, и даже способствует включению некоторых малопродуктивных суффиксов в структуру других, близких по значению словосочетаний. Ср., например, *transporte terrestre* 'сухопутный транспорт' и созданное по этой же модели *transporte pedestre* 'пешеходный транспорт'. В этом примере словообразовательная аналогия опирается на структуру словосочетания.

В других случаях наличие ряда относительных прилагательных от одной основы обусловлено многозначностью производящего слова. Вернемся к нашему примеру. Испанская *земля*

(la tierra) исключительно плодородна. На ней произрастает множество производных слов и фразеологизмов – бытовых, местных, технических, но также возвышенных и культурных. Так, прилагательные *terreno* и *terrenal* 'земной' соотносятся со словом *tierra* 'земля' антонимичным понятию 'небо'. Ср. *el paraíso terrenal* 'земной рай', *el hombre terrenal* 'земной человек', *alma terrena* 'земная душа'. Другое прилагательное от той же основы – *terrestre* – коррелирует с понятием земли как суши, противостоящим понятию моря. Ср. *fuerzas terrestres* 'сухопутные силы', *los agentes terrestres y marítimos* 'сухопутные и морские агенты', *olores terrestres* 'запахи земли'. Прилагательное *terreo* используется для указания на внешние признаки земли: *color terreo* 'цвета земли'. *Terreño* характеризует местные продукты; *fruta terrena*. Прилагательное *terrizo* относят к невымощенной земле – проезжей или пешеходной. Это же прилагательное указывает на близость к земле; ср.: *aves terreros*, *vuelo terrero* 'низкий полет птиц'; *caballería terrera* 'лошади, бег которых близок к земле'. *Terroso* значит 'содержащий землю': *agua terrosa*. Наконец, прилагательное *terrero* 'земляной' связано с понятием земли как сыпучего вещества. Ср. *canasto terrero* 'корзина для переноски земли'.

Сравнительно простая в семантическом плане корреляция существительных и относительных прилагательных осложняется различными дополнительными факторами, такими в частности, как нормы лексической сочетаемости слов, стилистическая окраска производных, полисемия производящего слова и пр. Адъективная транспозиция существительных может быть осложнена и другими смысловыми оттенками. Ср. такие пары, как *crema* > *cremoso*, *barriga* > *barrigudo*, *aranja* > *aranjado*. Производные прилагательные не просто выражают свойство через отношение к субстантивному понятию. Они конкретизируют связь с обозначенным основой предметом. В этом случае транспозиция как бы сходит с прямого пути, лексический объем производящего слова и производящей основы перестает совпадать. Транспонирующая роль таких суффиксов не является единственной.

Семантическое соотношение глагола и существительного оказывается еще более сложным. Транспозиция глаголов ведет к созданию имен со значением действия (случай чистой транспозиции), результата действия, производителя действия, орудия и места действия. Поэтому, оформляя переход глагола в категорию имен, суффикс обычно показывает, к какому более узкому семантическому классу принадлежит создаваемое слово. Так, *preguntador* и *informante* (от глаголов *preguntar*, *informar*) входят в разряд имен действующего лица; *quemadura* (от глагола *quemar*) означает результат действия; *desclavador* (от глагола *desclavar*) – орудие действия; *andanza*, *movimiento* (от *andar*, *mover*) – само действие, а *embarcadero* (от *embarcar*) – место действия.

Таким образом, транспонирующей функции, выполняемой суффиксами отглагольных существительных, сопутствуют другие более частные значения, связанные с семантической дифференциацией имен.

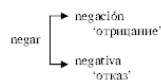
Даже словопроизводство, воплощающее «чистую» транспозицию (действие > имя действия), может оказаться лишенным однозначности. Например, испанские производные типа *estrechón*, *remoión*, *resbalón*, *empellón*, *empujón* или *escapada*, *conversada*, *ojeada*⁷⁰ не просто выражают «опредмеченное» действие, а передают значение единичного акта. Следовательно, сам смысловой объем *nomina actionis* расщепляется, распадаясь на ряд более частных категорий. Кроме того, значение имени действия обычно осложняется в испанском языке другим смежным и сопутствующим ему значением результата действия. Эти две лексические категории пользуются для своего выражения одними средствами словообразования. Ср. такие суффиксы, как – *ción*, – *miento*, – *dura*, – *ada*, – *ida*. Значения действия и резуль-

⁷⁰ Имена действия с суффиксом – *ada* преимущественно выступают в сочетании с глаголами *hacer*, *dar*, *echar* (ср. *hacer la armada*, *hacer una atropellada*, *dar una espantada*, *echar una padada*). В этом случае сам тип словосочетания, эквивалентного по значению глаголу, требует определенного суффиксального оформления имени. См. подробнее [Вольф 1954: 94 и м.]

тата действия обычно совмещаются в одних и тех же конкретных словах. Такие имена, как *enumeración, acusación, indicación; repartimiento, pensamiento; desligadura, deshojadura, desmontadura; despedida*, выражают действие и результат действия по соответствующим глаголам.

С точки зрения системы испанского словообразования два разных в логическом плане значения (действие и результат действия) составляют нерасчлененное единство.

Параллельное функционирование в языке суффиксов *nomina actionis* обусловлено в ряде случаев многозначностью производящих глаголов. Последние являются как бы центрами, от которых расходятся в разные стороны самостоятельные деривативные лучи. Ср.

Действие синонимических словообразовательных моделей используется также в целях лексической дифференциации готовых слов, которые получают индивидуальные значения, укладываемые в общее родовое понятие *nomen actionis*. Ср. *andadura* 'хождение' и *andanza* 'случай, происшествие, дело', *ordenación* 'распоряжение, распределение', *ordenamiento* 'закон, постановление', *ordenanza* 'правила, регламент', *palpación* 'пальпация (мед.)', *palpada*, *palpamiento* 'осязание, ощупывание'. Процесс лексической дифференциации имен действия сопровождается иногда закреплением за ними различных конкретно—предметных значений. Образование нового *nomen actionis* вызывается, следовательно, смысловым развитием ранее созданного производного. Новый акт словообразования компенсирует утраченное лексическое значение. Так, когда *la embargación*, являющееся по своей структуре именем действия, получило значение 'судно', были созданы новые *nomina actionis* по глаголу *embargar* 'погружаться на судно' – *el embarco, el embarque, el embarcamiento*.

Конкретно—предметное значение слова *el edificio* 'здание' привело к образованию другого имени действия – *edificación* 'строительство, воздвижение, сооружение'.

Рассмотрим транспозицию, осуществляющую переход типа «прилагательное > глагол». Понятие вербализованного качества оказывается также неоднородным. Одни суффиксы вполне отчетливо указывают на направление процесса. Таковы, например, элементы – *ific—ar, –iz—ar*, образующие только переходные глаголы. Ср. *dulcificar* 'подслащивать, делать сладким', *diversificar* 'разнообразить', *pacificar* 'умиротворять', *clarificar* 'очищать, осветлять (хим.)', *poromenorizar* 'детализировать', *singularizar* 'выделять', *neutralizar* 'нейтрализовать', *electrizar* 'электризовать', *personalizar* 'перечислять поименно'. Впрочем, эти суффиксы имеют книжную окраску и мало активны в живом языке. Чаше, однако, глагольные суффиксы, осуществляющие транспозицию прилагательных, безразличны к значению переходности—непереходности. Они могут образовывать глаголы как с каузативным, так и с медиальным значением. Таковы суффиксы – *e—ar, –es—er*.⁷¹ Ср. следующие непереходные глаголы: *loquear* 'безумствовать', *lozanear* 'пышно разрастаться, быть цветущим', *palidecer* 'бледнеть', *rojear* 'краснеть, быть рыжеватым (о цвете)', *ronquear* 'хрипеть', *rosear* 'розоветь'.⁷² Напротив, такой глагол, как *malear* 'портить, подделывать', транзитивен. Наконец, имеются образования, совмещающие оба значения и могущие выступать как самостоятельно, так и в сочетании с прямым объектом. Их смысловой объем в каждом случае выявляется через синтаксическое построение (наличие или

⁷¹ Остается сомнительным вообще, следует ли рассматривать элемент – *es—er* как словообразующий суффикс или как фонетический инфикс, посредничающий между производящей основой и парадигмой II спряжения.

⁷² Ср. следующий пример употребления глаголов на – *ear* с переходным и непереходным значениями: *El céfiro cobalto clarinea el cabello azulea, pasarea la piel y se plateade un polvo nítido el paisaje (Rafael Alberti, 124) y al negro albor que lo sombrea el claroscuro redondeala cima exacta del relieve (Ibid., 11).*

отсутствие дополнения). Ср. такие глаголы, как *blanquear*, *blanqueser* 'белить, белеть' (любопытно, что антонимичные глаголы *pegrear*, *pegreser* имеют только непереходное значение – 'чернеть'), *oscurecer* 'затемнять, темнеть' (и на этот раз антоним не обнаруживает полного параллелизма значений: *clarescer* означает только 'рассветать'), *lobregueser* 'омрачать, темнеть'. Мы видели, что дифференциация значений среди производных с суффиксами – е—аг, – ес—ег определяется действием нормативного фактора, а не специализацией средств словообразования. Корреляция переходность/непереходность выражается чаще другими языковыми средствами, а именно, префиксацией и соотношением возвратных и невозвратных глаголов. Ср. *embellecer(se)*, *enorgullecer(se)*, *enrudecer(se)*, *enternecer(se)*, *embrutecer(se)*, *ennegrecer(se)*, *entristecer(se)*. Впрочем, некоторые глаголы, содержащие префикс *en-*, выражают как переходное, так и непереходное значения, ср. *enriquecer* 'богатеть, обогащать', *empobrecer* 'беднеть, разорять, делать бедным'. Встречаются также образования, имеющие лишь интранзитивный смысл, ср. *enguineser* 'становиться подлым'.

Транспозиция типа «существительное > глагол» также безразлична к категории переходности/непереходности. Отыменные глаголы, созданные при помощи элемента—е—аг, могут быть как транзитивными, так и интранзитивными. Ср. *rajarear* 'ловить птиц, летать, бродяжничать', *ratear* 'топтать, бить ногами, брыкаться', *rasear* 'гулять, водить на прогулку', *mostear* 'выделять сок, заливать сок в бочки', *saborear* 'придавать вкус, смаковать'. За некоторыми глаголами этой структуры закрепляются либо только переходные, либо только непереходные значения. Ср. *partear* 'принимать ребенка при родах', *patronear* 'командовать кораблем', *perfumear* 'душить духами', *palmear* 'аплодировать', *mayordomear* 'быть мажордомом', *ma—panear* 'рано вставать', *rarrandear* 'шумно веселиться', *robreatear* 'побираться', *secretear* 'секретничать'. Элемент—е—аг осуществляет лишь вербализацию именной основы, не уточняя характера протекания действия. Его функция в семантическом отношении недифференцирована. Категория переходности/непереходности в этом случае нередко выражается коррелирующими парами возвратных и невозвратных глаголов.⁷³

Транспозиция типа «глагол > прилагательное» не может в испанском языке протекать в чистом виде, будучи всегда дополненной модальными и залоговыми⁷⁴ значениями. В этом случае имеет место строгая дифференциация словообразовательных средств, осуществляющих транспозицию глаголов. Так, суффиксы – *able* | – *ible*, – *dizo*, – *dero* выражают модально—пассивное значение, ср. *espantadizo* 'пугливый', *quebradizo* 'ломкий, хрупкий', *resbaladizo* 'скользящий', *corregible* 'поправимый', *irreprochable* 'безупречный', *realizable* 'осуществимый', *comedero* 'съедобный', *hacedero* 'возможный, легко осуществимый', *pagadero* 'выплачиваемый'. Напротив, суффиксы – *ante* | – *iente*, – *dor*, – *ón* выражают только активное залоговое значение, ср. *hablador* 'болтливый', *trabajador* 'работающий, трудящийся', *sabidor* 'знающий', *preguntador* 'спрашивающий', *escandalizador* 'скандальный, возмутительный', *palpitante* 'бьющийся, трепещущий', *combatiente* 'сражающийся', *concluyente* 'заключительный', *contratante* 'договаривающийся', *Plagón* 'плаксивый', *respondón* 'любящий противоречить'. Суффиксы – *tivo*, – *torio* (–*sorio*) также тяготеют к выражению оттенка активности; ср. *comunicativo* 'общительный, соединительный', *completativo* 'дополняющий, дополнительный', *conductor* 'проводящий (физ.)', *conjuntivo* 'соединительный, союзный', *constitutivo* 'определяющий, основной', *destilatorio* 'очищающий, фильтрующий', *conservatorio* 'предохранительный', *conminatorio* 'угрожающий', *divisorio* 'разъединительный, разъединяющий'. В приведенных прилагательных отчетливо прослеживается значение активного отношения к действию. Однако есть случаи, когда этот оттенок проступает менее ясно: ср. *conmemorativo* 'поминальный, памятный',

⁷³ Ср. следующий любопытный пример употребления возвратных глаголов, образованных от именных основ при помощи суффикса—е—аг «*Aunque más a Isabel quiero, que a Inés, no es malo Inesearme, mientras no me Isabelleo*» (Calderón, II, 226).

⁷⁴ Эти термины употреблены здесь в их лексическом значении.

contradictorio 'противоречивый', narrativo, narratorio 'повествовательный', inflamatorio 'воспалительный', partitivo 'делимый, разделительный'. Суффиксы – tivo, – torio менее дифференцированы с точки зрения их отношения к действию. Следует, впрочем, оговорить, что эти элементы мало продуктивны в современном языке и встречаются преимущественно в составе латинских заимствований.

В целом суффиксы, осуществляющие адъективацию глаголов, оказываются далеко не безразличными к их залоговому значению, выражая качество через указание на активное либо пассивное отношение к действию. Это отличает их от суффиксов *nomina actionis*, нивелирующих категорию переходности / непереходности производящего глагола.

Суффиксы, субстантивирующие прилагательные, вполне однозначны. Они образуют имена качества, ср. *blancura* 'белизна', *dulzor* 'сладость', *fealdad* 'некрасивость, уродство', *dignidad* 'достоинство', *lealtad* 'верность', *palidez* 'бледность', *riqueza* 'богатство', *agudeza* 'острота' и пр. Наличие синонимических словообразовательных средств и возможность их соединений с одной основой обусловлены многозначностью производящих слов, а также семантическим развитием отдельных имен качества, конкретизирующих свое значение, получающих предметную отнесенность. Так, когда *beldad* стало чаще употребляться в значении 'красавица', возникло новое производное – *belleza* 'красота'.

Более конкретные и частные значения, возникающие у суффиксов, переводящих слово из одной части речи в другую, оказываются в целом закономерными, отражая возможное соотношение категориальных значений, свойственных данным частям речи. При максимальной лексической близости частей речи (как в случае наречий и прилагательных) транспозиция оказывается наиболее однозначной.

Все суффиксы, выполняющие транспонирующую функцию в более или менее чистом виде, служат для создания слов, выражающих производные лексические категории. Эти элементы расширяют гнезда слов, вовлекая в них различные части речи. Обычно они изменяют лексическое значение основы лишь в той мере, в какой это отражает разницу в смысловом объеме соответствующих частей речи. Продуктивность этих суффиксов не ограничена поэтому таким внешним по отношению к языку фактором, как появление новых понятий или реалий. Их активность зависит от других обстоятельств, таких, например, как количество слов, могущих служить базой словопроизводства. Падение продуктивности суффиксов, основным назначением которых является транспозиция, обычно имеет лингвистические причины. Оно может явиться следствием роста активности другого синонимического элемента либо функционирования параллельных по значению синтаксических конструкций. Это последнее обстоятельство отчасти связано с тем, что транспозиция бывает нередко обусловлена потребностями, возникающими в связи с построением предложения, т. е. с синтаксисом того или иного языка.⁷⁵ Именно в связи с требованиями синтаксиса нередко приходится прибегать к субстантивному представлению вербальных, адъективных и других понятий.

Такого рода транспозиция нередко осуществляется синтаксическими, а не словообразовательными средствами языка (например, артиклем). Она обладает в силу этого и определенной смысловой спецификой. Так, субстантивация прилагательных артиклем *lo* выражает более чистую транспозицию, затрагивая семантику слова лишь в той степени, в какой это необходимо в связи с переходом адъективного понятия в субстантивное. Образования такого типа лишены возможности дальнейшего семантического развития и не получают никаких дополнительных смысловых оттенков, которые нередко присутствуют у слов, образованных при помощи суффиксов. Например, имена качества с суффиксом на – (i)dad, наряду с абстрактным значением, могут обозначать также лицо – носителя качества? ср. *personalidad* 'личность', 'деятель, историческая личность'. У прилагательных, оформленных артиклем *lo*, отсутствуют перспективы

⁷⁵ На это обстоятельство обращал внимание Э. Пишон (см. [Pichon 1942: 8]).

подобной или какой—либо иной семантической эволюции. Этому препятствует в частности артикль *lo*, который не может сочетаться с названиями предметов и лиц. Синтаксический, а не словообразовательный характер носит также субстантивация инфинитивов артиклем мужского рода *el*, хотя в этом случае имеются редкие примеры семантической конкретизации субстантивированного инфинитива. Ср. *el deber* 'долг, задолженность, обязанность', *el poder* 'власть, мощь'. Транспозиция понятий, их перевод в субстантивный план, нередко связывается с эмфатическим синтаксисом. Выражение эмфазы очень часто происходит путем субстантивации выделяемого члена предложения. Это вполне естественно, поскольку лишь субстантивное понятие может быть синтаксически независимым, не управляемым, а управляющим другими членами словосочетания. Ср. *la dificultad de esta tarea*; *la hermosura de sus ojos*; *la serenidad y tersura de su frente*; *la dulzura de la amistad*; *la calma del cielo*; *el frío de la indiferencia amorosa*. Эти примеры показывают, что эмфатич—ность достигается инвертированием отношений между определением и определяемым. Логически подчиненное слово (определение) становится синтаксически независимым, подчиняющим себе определяемое. Однако в современном языке эмфатическая транспозиция все более выходит за рамки словообразования и прибегает к синтаксическим средствам субстантивации. Ср. *lo difícil de esta tarea*; *lo blanco, sonrosado y limpio de su tez*; *lo rápido, lo fugitivo de la impresión*, ср. также конструкцию *el bueno de Pablo, el pícaro de tu amigo*. См. подробнее в главе «Синтаксическая эмфаза».

Следует обратить внимание еще на одну черту транспозитивной деривации. Выше уже отмечалось, что транспозиция используется для обозначения производных, вторичных лексических значений и бывает вызвана потребностями, связанными со строем предложения. Это делает транспозитивную деривацию наиболее спонтанной и подвижной. В рамках деривации этого рода легко возникают дублирующие друг друга формы, которые функционируют в языке параллельно. Сосуществование таких слов было особенно распространено в староиспанский период, когда еще отсутствовала твердая нормализация литературного языка. Ср. *prometimiento – promisión – promesa*; *asperidad – asperura – asperidumbre – aspreza – aspreza*; *pre—tesa – pretensión*; *torpedad – torpeza*; *braveza – bravura*; *preparamiento – preparación*; *deslealtanza – deslealtad*; *omildanza – humila—ción*. Это явление, разумеется в более слабой степени, прослеживается и в современном языке. Ср. *desorientamiento – desorientación*; *desmoche – desmocha – desmocho – desmochadura*; *desviación – desvío*; *ofrecimiento – oferta*; *lobreguez – lobregura*; *dulzor – dulzura* etc.

* * *

Выше была вкратце охарактеризована функция суффиксов служить показателем части речи. Теперь перейдем к другой функции суффиксов, также связанной с классификацией слов, но осуществляющей их семантическое, а не лексико—грамматическое деление. Эта функция развивается на основе лексико—семантической аналогии, заключающейся в морфологической унификации близких по значению слов.

Связь суффикса с образованием определенных лексико—семанти—ческих разрядов слов, разумеется, не может вызвать сомнений. Ведь с некоторыми суффиксами непосредственно ассоциируется общее значение той категории слов, в состав которой они чаще всего входят. Так, известна изоляция суффикса— *изм*, получающего во многих языках значение 'течение, доктрина'. Аналогичный случай использования суффиксов приводит В. Вартбург. Английский суффикс— *ade*, выделившись из таких слов, как *lemonade, orangeade*, начал сам по себе означать понятие фруктовой воды, ср. *Have you some ade?*⁷⁶ Можно напомнить также образование К. Пайком лингвистического термина *eme* путем вычленения суффикса из такого

⁷⁶ [Wartburg 1943: 78].

ряда, как *phoneme*, *morpheme*, *sememe*, *tagmeme*, *uttereme*, *behavioreme*, а также названий лингвистических дисциплин *etic* и *emic*, выделенных из *phonetic* и *phonemic*.⁷⁷

В приведенных примерах суффиксы берут на себя обобщенное лексическое значение тех категорий слов, в состав которых они чаще всего входят. Если суффикс полисемичен, то при самостоятельном употреблении он передает значение лишь одной из образуемых им лексических категорий. Отмеченное свойство суффиксов широко используется в языке эсперанто, в котором каждый суффикс может употребляться в качестве отдельного слова. Так суффикс уменьшительности – *et* в сочетании с показателем прилагательных – *a* (*eta*) употребляется как прилагательное со значением 'маленький'. Инструментальный суффикс – *il* в соединении с субстантивным индексом—*o* создает существительное *ilo* 'орудие, инструмент'.

Лексическую функцию суффикса не всегда следует считать доминирующей. Обычно в грамматиках и специальных работах по словообразованию значения суффикса выявляются через указание на лексические категории создаваемых им слов. Такой метод не всегда оказывается достаточным. Прежде всего, выделение семантических групп часто субъективно и основывается на классификациях понятий. В этом отношении было своевременно предостережение С. Ньюмена, который рекомендовал «избегать попыток определять семантические функции суффиксов исходя из готовых логических и предполагаемых эмпирических систем значений».⁷⁸ Между тем такой метод широко распространен. Например, характеризуя значения суффикса – *dor*, обычно указывают, что при его помощи создаются существительные, обозначающие деятеля, профессию, звание, должность. Естественно возникает вопрос, можно ли разграничить перечисленные значения и действительно ли эти семантические группы имеют в языке обособленное друг от друга существование. Выделение этих категорий основано на неязыковых критериях. Такое дробление значений суффиксов имеет еще и другой недостаток. Хотя суффиксу приписывается большое количество разнообразных функций, их перечень вместе с тем никогда не может оказаться исчерпывающим. Продолжим наш пример. При характеристике суффикса – *dor* в грамматиках обычно указывается, что он служит для создания существительных со значением профессии, должности, звания, инструмента и места. Очевидно, что большое количество имен, закономерно образованных при помощи этого элемента, не войдет ни в одну из названных категорий. Куда, например, следует отнести такие слова, как *deponinador* 'знаменатель', *ajustador* 'лиф, корсаж', *borrador* 'черновик' и многие другие? Кроме того, перечисление казалось бы ничем не связанных между собой значений не обнаруживает того общего, что лежит в основе применения данного суффикса. Не выяснив того, что скрепляет между собой все более частные лексические значения, весьма различные с точки зрения логических представлений, нельзя понять, что же мешает суффиксу распастись на омоморфемы. Таким функциональным ядром суффикса – *dor* является выражение активного отношения к действию. Все, что обозначается словом, включающим данный суффикс – будь то лицо, предмет или отвлеченное понятие – мыслится с точки зрения производимого действия. Именно на фоне функции агенса и возникают те многочисленные частные значения, которые были отмечены выше.

⁷⁷ [Pike 1954: 8, 57].

⁷⁸ [Newman 1948: 33].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.